524 S/13

Б24 5/13

КАКЪ ПРАЗДНОВАЛЪ И ПРАЗДНУЕТЪ

НАРОДЪ РУССКІЙ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО,

Новый годъ, Крещеніе и Масляницу.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. Н. БОЖЕРЯНОВА.

1895.

КАКЪ ПРАЗДНОВАЛЪ И ПРАЗДНУЕТЪ

НАРОДЪ РУССКІЙ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО,

Новый годъ, Крещеніе и Масляницу.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. Н. БОЖЕРЯНОВА.

Изданіе М. Ледерле и К⁰.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1894 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 14298
9. X 1936 г.

Госуд. [illegible]
[illegible]
Библиотека РСФСР

14298-36

Типографія Контр. жел. дор., Лиговская ул., 89 уг. Свѣчнаго пер.

РОЖДЕСТВО.

I.

Рождество.

День зимняго солнцеповорота, т. е. 25 Декабря, былъ днемъ великаго празднества для большей части древнихъ народовъ, какъ начало зимы. Всѣ эти празднества древняго міра объясняются возвращеніемъ солнца, которое, взойдя въ тропикъ Козерога, начинаетъ свое восхожденіе къ нашимъ странамъ. Поэтому-то 25-ое Декабря, какъ день рожденія солнца праздновалось подъ различными именами, присвоенными этому свѣтилу. Персы считаютъ въ этотъ день рожденіе Миѳры; египтяне—Озириса; греки называли ночь солнцеповорота *тройственною ночью* и съ нея считали рожденіе Геркулеса; римляне посвящали эту ночь *непобѣдимому солнцу*; народы сѣ-

вера называли ее *матерью ночей* и славили подъ именемъ Юле, что значитъ поворотъ, возвращеніе. Въ этотъ день христіанская церковь празднуетъ рожденіе Іисуса Христа. Канунъ Рождества—24 Декабря есть 24 день девятаго мѣсяца, потому что въ старину евреи начинали годъ съ апрѣля, какъ у насъ, въ Россіи, онъ начинался когда-то съ сентября. Какъ извѣстно, въ этотъ день, на основаніи пророчества пророка Аггея, евреи праздновали „хануку“—освященіе храма. Уже во второмъ вѣкѣ въ Египтѣ каждое 25 число девятаго мѣсяца вспоминалось и праздновалось Рождество Спасителя. Еще до эпохи реформаціи въ Германіи въ этотъ день каждый домъ устраивалъ у себя райское дерево и праздникъ этотъ сталъ, такъ сказать, національнымъ праздникомъ нѣмцевъ.

Елка, составляющая теперь необходимую принадлежность празднованія на Руси Рождества Христова заимствована и сравнительно очень недавно отъ нѣмцевъ, она вошла въ употребленіе лишь въ началѣ настоящаго столѣтія и вотъ ея исторія:

Въ эпоху среднихъ вѣковъ, на праздникахъ Рождества Христова въ западной Европѣ

для народа устраивались зрѣлища, имѣвшія отношенія къ этому дню. На такихъ зрѣлищахъ представлялись всегда Адамъ и Ева, а также можно было видѣть на сцѣнѣ змія и земное райское дерево.

Ученые того времени старались разрѣшить вопросъ: къ какой именно породѣ принадлежало райское дерево, плоды котораго повели человѣка къ грѣхопадѣнію. Въ Греціи объясняли, что подъ словомъ „райское дерево“ необходимо разумѣть смоковницу, потому что именно листьями фиговаго дерева Адамъ и Ева прикрыли свою наготу послѣ грѣхопаденія. Въ Шампани утверждали, что это виноградная лоза, а въ Германіи и вообще во всей средней и сѣверной Европѣ признавали плоды этого дерева яблоками, не только ради ихъ заманчиваго румянца, но и по поводу игры словъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ „malum“, значитъ зло, а „e malo — съ яблони.

Итакъ, праздникъ Рождества чествовался какъ возстановленіе рая на землѣ. Существовало также повѣрье, что въ рождественскую ночь цвѣтетъ іерихонская роза. Когда родился Христосъ — снѣгъ исчезъ, деревья ук-

расились листьями и цвѣтами, земля покрылась ковромъ изъ травъ.

Нѣкій Іоганъ Ницеръ разсказываетъ, что въ Нюренбергѣ стояло удивительное дерево, которое въ ночь предъ Рождествомъ сплошь покрывалось цвѣтомъ. О такомъ-же феноменальномъ деревѣ, находившемся въ окрестностяхъ Бамберга, упоминаютъ лѣтописи 1780 года: яблоня эта росла въ саду Франца Говерда и приносила въ рождественскую ночь яблоки. По подобнымъ же легендамъ, въ XVI вѣкѣ въ Вюрцбургѣ росли двѣ яблони, которыя въ теченіи года совсѣмъ не приносили плодовъ, а вмѣсто того, давали ихъ въ рождественскую ночь; еще вечеромъ на нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака плодовъ, а къ утру яблони приносили множество яблокъ обыкновенной величины. Такимъ образомъ, яблоня сдѣлалась чудеснымъ символомъ исторіи человѣчества отъ Адама до Христа. Дерево со змѣею давало плоды смерти. Дерево, сравниваемое съ крестомъ, олицетворяло Самого Христа, несшаго съ собою плоды жизни.

Но когда время это прошло, то за неимѣніемъ „земной яблони“ на Рождество, въ

Германіи стали считать райскимъ деревомъ ель — die Tanne, имѣющее большое сходство съ другимъ словомъ древне-германскаго языка „der Tann“ которое въ средніе вѣка означало то же, что въ священномъ Писаніи называется„ Эдемомъ“, т. е. садъ, рай. О двухъ такихъ Tann'ахъ въ нѣмецкой средневѣковой литературѣ есть цѣлыя поэмы мы говоримъ о Tann'ѣ Грааля и о Венериномъ Tann'ѣ. Тангейзеръ былъ жителемъ Грааля и затѣмъ заблудился въ саду Венеры.

Самое празднованіе Святокъ, вѣроятно перешло къ намъ изъ Греціи или съ юго-запада, такъ какъ у древнихъ грековъ, при переходѣ стараго года къ новому, мужчины плясали въ женскихъ платьяхъ, а женщины—въ мужскихъ. Императоръ греческій, Константинъ Багрянородный, въ описаніи церемоній византійскаго двора, говоритъ о готическихъ святочныхъ играхъ, отправляемыхъ въ присутствіи самаго императора.

Назначенные къ тому люди являлись въ маскахъ и въ вывороченныхъ на изнанку шубахъ, бѣгали, вертѣлись, прыгали, звучно ударяя жезлами въ щиты и пѣли подъ музыку пѣсни; это продолжалось до самаго разруше-

нія Восточной Римской Имперіи. Изъ Греціи празднества эти перешли въ Италію и у древнихъ римлянъ былъ особый праздникъ, называвшійся „врумеліями“ или „календами“ въ честь рожденія „солнца непобѣдимаго“; этотъ праздникъ справлялся въ Римѣ именно 24 и 25 декабря и отличался общимъ веселіемъ, при чемъ всѣми употреблялись маски и переряживанія.

Такія увеселенія, конечно, не одобрялись христіанами и они считали маски за дѣло очень грѣховное, какъ изобрѣтеніе языческое. Сохранились свѣдѣнія, что установленіе праздника Рождества Христова („солнца правды“) на 25-ое Декабря сдѣлано было христіанскою церковью еще во времена апостольскія, именно для того, чтобы противопоставить великій христіанскій праздникъ вышеупомянутому языческому празднованію—рожденія „солнца непобѣдимаго“. Ясный намекъ на это видѣнъ въ слѣдующемъ древнемъ католическомъ церковномъ пѣснопѣніи:

Солнце на зимнюю даль едва лишь стало—внезапно
Новое къ намъ притекло Свѣтило, бури сметая
И воплотился Христосъ!

Въ западной Европѣ на святкахъ справ-

ляли „декабрьскія вольности“. Этотъ праздникъ носилъ названіе „праздника иподіаконовъ“, или „праздника дураковъ“ (stultorum fatuorum); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ „праздникъ“ справлялся въ день Крещенія (6-го января) или въ день „Обрѣзанія Господня“ (2 февраля). Какого рода было это празднество, свидѣтельствуетъ посланіе къ одному архіепископу папы Иннокентія III (1198—1216 г.), гдѣ сказано: „Такъ какъ въ церквахъ совершается позорище и не только вводятся для потѣхи чудовищныя личности (monstra lervarum), но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами діаконы, пресвитеры и поддіаконы участвуютъ въ безчинныхъ играхъ, то тебѣ возлюбленному о Христѣ брату, надлежитъ искоренить въ подвѣдомственныхъ тебѣ церквахъ подобные обычаи, да не обезчестится домъ Господень такою мерзостью.“ Хотя „праздникъ дураковъ“ и былъ формально запрещенъ на Парижскомъ соборѣ еще въ 1812 г., но въ половинѣ XII вѣка онъ носилъ еще болѣе кощунственный характеръ. Изъ постановленій парижскаго богословскаго факультета о запрещеніи этого праздника въ 1443 г. видно, что въ то время священники и клирики, выбравъ изъ своей

среды „папу“ называли его *папою дураковъ*; сами же во время богослуженія плясали въ уродливыхъ маскахъ, въ женскихъ и шутовскихъ одеждахъ, также львиныхъ кожахъ; пѣли неприличныя пѣсни, ѣли на алтаряхъ и бѣгали по всей церкви. Однако строгія мѣры, принятыя правительствомъ и пастырями церкви повсемѣстно уничтожали подобныя празднества и о нихъ не стало слышно уже въ XVI столѣтіи. Святки на Руси праздновались издревле—доказательствомъ тому служатъ: „Кормчая книга“, и Стоглавъ“ а также пастырскія посланія, въ которыхъ обличаются гаданія и суевѣрія на Святкахъ, какъ языческіе обычаи. Въ постановленіяхъ „Стоглава“, составленнаго на соборѣ 1551 года, и въ „Домостроѣ“, гдѣ запрещались „еллинскія бѣснованія“ и другія забавы, о маскахъ не упоминается, но осуждаются лишь переряживанья изъ мужскихъ костюмовъ въ женскіе и наоборотъ. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ книгѣ, изданной по повелѣнію патріарха Никона, подъ названіемъ „Кормчей“ (въ 1653 г.) сказано: „Да отвержены будутъ отъ вѣрныхъ житія и комическая и сатирическая, и козляя лица. Св. отцы не повелѣваютъ мужамъ обла-

чися въ женскія ризы, ни женамъ въ мужскія, еже творятъ на праздникъ діонисовъ плясуще; ни лицъ же косматыхъ возлагати на ся, ни козлихъ, ни сатирскихъ. Косматыя убо лица суть поруганіе нѣкимъ ухищрена; козляя-же яко жалостна и на плачъ подвизающа."

Послѣдній разъ возсталъ противъ масокъ патріархъ Іоакимъ въ правленіе царевны Софіи; въ указѣ его (отъ 24 декабря 1684 г.) говорится, что многіе „преображаются въ неподобныя отъ Бога созданія, образъ человѣческій премѣняюще, косматые и иными бѣсовскими ухищреніями содѣянныя образы на себя одѣвающе."

Но въ одномъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ нашей старины, именно XI вѣка, въ поученіи архіепископа Луки къ братіи говорится о „масколоудствѣ", означающей безъ сомнѣнія замаскированіе и происходящемъ вѣроятно отъ перешедшаго къ намъ изъ Греціи слова маска или маскара и русскаго слова: луда, лудить — покрывать, облекать. Недаромъ же, по опредѣленію одного древне-русскаго церковнаго произведенія, сказано: „каланда еллинстіи бяху праздницы". Съ XVI

столѣтія, можетъ быть, вслѣдствіе вліянія пріѣхавшихъ съ супругою Іоанна III, Софіею, грековъ и итальянцевъ, хоры переименовались въ машкары; извѣстно также, что Іоаннъ Грозный тѣшился съ опричниками своими въ маскахъ, и когда князь Михаилъ Репнинъ отказался надѣть маску или личину и растопталъ ее ногами, разгнѣванный царь приказалъ казнить Репнина. Придворные маскарады получили мѣсто у насъ со временъ царя Іоанна Васильевича а въ придворномъ штатѣ были мастера „рѡжечники“, приготовлявшіе маски для двора, такъ какъ самыя маски нашъ народъ называлъ рожами; по расходнымъ книгамъ казеннаго приказа 1584 г. мастерамъ—рѡжечникамъ отпускалось сукно и деньги. Подъ вліяніемъ пріѣхавшихъ съ Лжедимитріемъ поляковъ, маскарады сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ при дворѣ и въ народѣ. Въ послѣднемъ съ незапамятныхъ временъ на Руси играли большую роль скоморохи или скамрахи, называемые также плясцами—сквернословцами. Въ половинѣ XVI вѣка они превратили свои ватаги въ шайки разбойниковъ до 60-ти и даже 100 человѣкъ, и когда самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный предложилъ это безчи-

ніе на разсмотрѣніе собора 1551 г. то соборъ опредѣлилъ: благочестивому царю своя царская заповѣдь учинити, скорѣй санъ вѣсть, чтобъ отъ нихъ впредь такова насильства и безчинія не было нигдѣжь, николи, никогда-же".

Въ тоже время бывшій митрополитъ Іосафъ, къ которому соборныя опредѣленія 1551 г. посланы были на разсмотрѣніе, писалъ къ царю: „о скоморосехъ Бога ради, государь, великое спасеніе аще бѣсовская игра ихъ не будетъ". Съ тѣхъ поръ начались болѣе рѣшительныя мѣры противъ скомороховъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда стало въ XVII столѣтіи дѣйствовать и правительство. Такъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича были предприняты особенно энергичныя мѣры преслѣдованія скомороховъ. Послѣ сильной проповѣди противъ скоморохъ, патріарха Іосафата въ его наказной памяти отъ 1636 г. мы встрѣчаемъ рѣзкую грамату самого царя въ Бѣлгородѣ отъ 1648 г., объ уничтоженіи скомороховъ и другихъ безчинствъ. А въ 1667 г. въ памяти преосвященнаго Іоны, митрополита Ростовскаго, скоморохамъ и принимающимъ ихъ въ свои дома объявлено въ случаѣ непослушанія „быть отъ него святителя въ ве-

ликомъ смиренiи и наказанiи безъ пощады и въ отлученiи отъ церкви Божiи".

Вообще на праздникахъ Рождества на Руси не бывало спокойно, какъ о томъ говорятъ намъ сохранившiяся, напримѣръ жалобы шуянъ; такъ въ одной изъ нихъ сказано, что „послѣ Рождества Христова, въ первое воскресенье, Потѣха Васильевъ, да Курдюкъ Ивановъ дѣти, да Семенъ Микулинъ, да Савелей съ товарищи съ кобылкою ходили и съ Павловыхъ крестьянъ шапки схватывали. А въ другой, обращенной также къ князю Михаилу Ѳеодоровичу, писалось: „Декабря въ 25-й день разбили насъ, сиротъ твоихъ, разбойники невѣдомо какiе лихiе люди, животишки наши и статки, деньги, платье и лошади, и туши, и полти свиныя и всякую рухлядь, и животинку и сѣвюки — все поймали, а насъ сиротъ твоихъ, мучили, а въ лицо, государь, ихъ не знаемъ: тому пора была ночная а ночью за тѣми разбойниками не гоняли, потому государь, что гонять было за ними некому; и мы, сироты твои, были всѣ перевязаны; да они-жь, разбойники, покинули на томъ разбою: лукъ роговой, тетива шелкова да обломокъ стали съ копьемъ, и мы, сироты

твои, отъ тѣхъ разбойниковъ въ конецъ погибли".

Въ Шуйскомъ уѣздѣ до сихъ поръ ходятъ въ народѣ разсказы о старинныхъ страшныхъ разбойникахъ: Ѣдунѣ, Рудакѣ и Пугѣ. Теперь хотя и изчезли на Руси разбойники и чародѣи, но знахари, ворожба и гаданіе все еще отъ старины сохраняютъ свои традиціи; особенно ворожба и гаданіе присущи Святкамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что гаданіе произошло отъ еврейскаго слова: гадъ—счастіе, имѣющаго однородное значеніе съ Даймоніонъ—богинею счастья и гаданія у грековъ; но такое толкованіе врядъ-ли справедливо.

По настоящее время въ русскомъ простонарѣчьи гадать—значитъ думать; у чеховъ gadam—испытывать или изслѣдовать, по польски gadac—говорить на-обумъ, не подумавъ. Такъ какъ во многихъ мѣстахъ Россіи и теперь еще твердо убѣждены, что съ Рождества до Крещенія черти бѣгаютъ по ночамъ, то нечего говорить что Святки въ старину считались самымъ удобнымъ временемъ для гаданія и именно канунъ Крещенія; о самыхъ гаданіяхъ мы скажемъ когда будемъ говорить о днѣ Крещенія, т. е. 6-е января.

Гос. Истор.-Науч. Б-ка РСФСР
Инвент. № 2
193 г.

II.

Празднику Рождества Христова предшествовалъ обрядъ „пещнаго дѣйствія“, которое, по описанію древнихъ церковныхъ обрядовъ въ Новгородѣ, совершалось 17-го декабря. Именно, когда Рождество Христово случалось въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда «пещное дѣйствіе“ происходило въ недѣлю св. Отецъ, а когда Рождество приходилось въ прочіе пять дней, то оно было въ недѣлю св. Праотецъ. Дѣйствіе начиналось наканунѣ недѣли, въ субботу, въ навечеріи, и оканчивалось на другой день, въ воскресенье. Для совершенія пещнаго дѣйствія снимались въ соборѣ нѣкоторыя паникадила и иконы, а также архіерейскій амвонъ, на мѣсто котораго среди церкви ставилась деревянная круглая печь въ $3^1/_4$ аршина въ вышину и въ $2^3/_4$ аршина въ діаметрѣ. Избирали трехъ отроковъ, представлявшихъ св. Ананія, Азарія и Мисаила, и двухъ, изображавшихъ халдеевъ. Первыхъ облачали въ стихари и украшали вѣнцами, а вторыхъ одѣвали въ халдейское платье, и тѣмъ и другимъ давали въ руки пальмовыя вѣтви. Всѣ

они, наканунѣ, предъ вечернею, ходили къ святителю на благословеніе и сопровождали его въ церковь. На другой день, въ воскресенье, съ 8-ой пѣсни канона совѣршалось самое дѣйство. Во время пѣнія стиха 7-ой пѣсни „Перечисленные отроки состави св. Троицу“, учитель отроческій испрашивалъ у архипастыря благословенія къ началу. „Благословивъ его рукою, архипастырь говорилъ: „благословенъ Богъ, изволивый тако!“ И халдеи изводили изъ алтаря отроковъ, связанныхъ убрусомъ (полотенцемъ) по выямъ ихъ, и, поставивъ среди церкви, близь печи, говорилъ имъ: „дѣти царевы, видите ли сію пещь уготовленную вамъ на мученіе?“

— „Видимъ“, отвѣчали они: —„но не ужасаемся ея, ибо есть Богъ нашъ на небеси; Ему же мы служимъ, Тотъ силенъ изъяти насъ отъ пещи сіи и отъ рукъ вашихъ избавить насъ, и сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“.

Послѣ того отроки, по снятіи съ нихъ повязки, получали отъ святителя благословеніе и витыя свѣчи, а халдеи вводили отроковъ по одному въ печь, затворяли ее и ставили внизу горнъ съ горящими угольями.

Затѣмъ протодіаконъ всегласно восклицалъ: „Благословенъ еси Боже отецъ нашихъ“. Отроки пѣли стихъ этотъ въ печи до конца, а между тѣмъ халдеи увеличивали пламень въ пещи и вокругъ нея, кидая удобосгораемые вещества. Но вдругъ спускался въ пещь къ отрокамъ сверху Ангелъ Господень съ громомъ, отчего халдеи падали ницъ и сами опалялись своимъ огнемъ. Спустя нѣкоторое время, вставъ, снимали свои кинаки, полагали на пальмы и въ молчаніи стояли съ поникшими головами. Отроки воззрѣвъ вверхъ къ Ангелу, знаменовались крестнымъ знаменіемъ трижды и столько же разъ кланялись ему и, придерживаясь его, обходили съ нимъ печь трижды. Потомъ возглашалось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и утреня оканчивалась. Халдеи и отроки въ своихъ одеждахъ, вмѣстѣ съ служками, сопровождали святителя къ литургіи въ соборъ, а оттуда въ домъ его.

Въ Софійскомъ соборѣ, въ Новгородѣ, до сихъ поръ сохраняется такая „пещь“.

Въ канунъ Рождества, называемый сочельникомъ никто ничего не ѣлъ до появленія звѣзды и правила этого держались очень

строго еще въ прошломъ вѣкѣ. По этому поводу разсказываютъ анекдотъ, что приглашенный къ обѣденному столу въ сочельникъ императрицею Екатериною II знаменитый А. В. Суворовъ, извѣстный своею набожностію также ничего не ѣлъ. Заботливая хозяйка, увѣряла Суворова, что столъ былъ рыбный. Обѣдъ по тогдашнему времени, былъ ранній, до явленія звѣзды. Пошли догадки, что Суворовъ постничаетъ, ожидая небеснаго вѣстника. Императрица шепнула стоявшему за нею камеръ-лакею, и въ ту же почти минуту принесли на золотомъ блюдѣ, съ собственнаго платья Ея Величества, брилліантовую звѣзду св. Александра Невскаго. Государыня пожаловала ее герою, сказавъ:

— Видишь-ли звѣзду? Вотъ теперь кушай! Бывшій тутъ князь Потемкинъ воскликнулъ: „Тако да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки!“

Въ XVII столѣтіи въ Москвѣ и по другимъ городамъ въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугъ, т. е. славили плугъ, а въ навечеріи Рождества Христова кликали многіе люди Коляду и Усель; объ этомъ упомятуто въ одной изъ грамать царя Алексѣя

Михайловича (1649 года). Теперь во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ Авсенемъ (иначе) Говсенемъ (рязанской губ.) или Таусемъ (симбирской губ.) называется уже канунъ Новаго года. Слово Авсень сближаютъ съ овсомъ на томъ основаніи, что посыпаютъ на новый годъ преимущественно овсомъ и овсомъ же даютъ славильщикамъ. Авс-енъ совсѣмъ не вѣрно; въ словѣ ов-юсъ, звукъ-же *с* относится къ суффиксу, тогда какъ въ словѣ усень, *с* принадлежитъ къ корню *ус*. Санкритское *уш*, жечь ич—ечь, отъ котораго литовское ausz—ti—свѣтать, ausz—ra—утреняя заря, т. е. зарево, предшествующая солнцу и звѣзда. А у всѣхъ почти славянскихъ племенъ есть пословицы, что солнце приходитъ къ воротамъ и освѣщаетъ ихъ. Сербы наканунѣ Божича (Рождества) поютъ:

Божичь, Божичь бата
На обоя врата,
Носи кипу злата.
Да позлати брата
И обоя побоя (т. е. половинки двери)

Въ старинныхъ-же русскихъ пѣсняхъ говорилось:

Ой Овсень! Ой Овсень
Походи погуляй
По святымъ вечерамъ
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень
Ты взойди

Къ Филимону на дворъ,
Что въ срединѣ Москвы;
Здѣсь ворота красны
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень!

Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ затынемъ
Кипариснымъ тыномъ.
Ой Овсень

Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ.

Какъ въ сербской колядкѣ ворота позолачиваются, украшаются солнцемъ, такъ и здѣсь, повидимому, красота двора есть только слѣдствіе его посѣщенія святымъ богомъ, отблескъ небесной красоты. Далѣе приводимъ пѣсню, доказывающую, что боги посѣщали, какъ гости домá смертныхъ. Кстати это подтверждается пословицею: „гость въ домъ, Богъ въ домъ“, а также выраженіемъ орловской и псковской

губерній: „боги ходятъ“, такъ называютъ образа, приносимые въ дома.

Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ,
По проулочкамъ
Нашли Коляду
У Петрова-то двора и т. д.

Авсень во многихъ мѣстностяхъ Россіи также называется *васильевымъ* или *богатымъ вечеромъ*. Снѣгиревъ видѣлъ въ авсенѣ земледѣльческій праздникъ, а Сахаровъ въ тоже время совершенно справедливо замѣчалъ, что „могло ли быть на самомъ дѣлѣ, чтобы зимою на Руси народъ праздновалъ земледѣльческій праздникъ“. По мнѣнію же покойнаго историка Соловьева: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коляда извѣстна подъ именемъ авсеня или таусеня, что можно принимать за измененное слово ясень, по всей вѣроятности, имя солнца (ясное). Г. Кавелинъ, тоже сближаетъ авсень съ колядою: по мнѣнію этого ученаго „коляда и авсень составляли во времена язычества одинъ большой праздникъ“. Обряды, входящія въ празд-

нество авсеня, состоятъ *въ заговариваніи каши, засѣваніи зеренъ* и *хожденіи по домамъ*. Въ иныхъ мѣстахъ всѣ обряды совершаются вмѣстѣ, въ другихъ поодиночкѣ; во многихъ мѣстахъ имя забыто, а обряды еще существуютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ авсенемъ соединяется обрядъ сожиганіи *костромы*; каша на авсень варится обыкновенно старшею женщиною въ домѣ, которая сама приноситъ крупу изъ амбара; старшій же изъ мужчинъ приноситъ воду. Затираніе каши сопровождается символическимъ причитаніемъ; по тому, какъ каша уварилась, судятъ объ урожаѣ будущаго года и вообще о счастіи: каша красная предвѣщаетъ счастіе, — каша бѣлая угрожаетъ бѣдами. Обрядъ засѣванія совершаютъ обыкновенно мальчики: въ Червонной Руси и въ Малороссіи они ходятъ съ разнымъ зерномъ въ мѣшкахъ или по комнатѣ, или по улицѣ, приговаривая: „На счастье, на здоровье, на новый рокъ! Роди, Боже, жито, пшеницю. Всяку пашницю, въ запичку дитей копицю.“ Въ великой Россіи дѣти, а иногда и взрослые парни и дѣвицы ходятъ изъ дому въ домъ съ лукошками, или мѣшками, полными зеренъ, которыя сберегаются старухами

до весенняго посѣва. Ходя по домамъ съ пѣснями, посыпальщики получаютъ въ подарокъ нарочно—приготовленныя къ этому дню: начиненныя кишки, желудки и свиньи ноги. Въ костромской губерніи пришедшіе пѣть авсень приговариваютъ: „свинку да боровка выдай для васильева вечерка.“

Въ рязанской губерніи просятъ пироговъ. Впереди толпы идетъ дѣвица, называемая *махоноскою*, которая несетъ мѣшокъ для собиранія подарковъ. Въ Муромѣ слѣдующимъ образомъ спрашиваютъ позволеніе пѣть авсень:—Дома ли хозяева?—Дома нѣтъ, отвѣчаютъ имъ — Гдѣ-же хозяинъ? — Уѣхалъ на торгъ соли купить. — Для чего соли? — Мясо солить.— На что мясо? — Сына женить?— На что сына женить? — Чтобы пашеньку пахати, хлѣба промышляти. За тѣмъ начинаютъ пѣсни. Въ Саратовской губерніи, подошедъ къ окну, спрашиваютъ: старый Русень! Не кричать ли таусень? Если хозяинъ согласенъ, тогда начинаютъ.

Существовалъ также странный обычай носить на другой день Рождества Христова въ церковь пироги, что видно изъ распоряженія кіевскаго митрополита Михаила о празднованіи

полога Богородицы на завтріе Рождества Христова; листъ этого распоряженія напечатанъ въ Львовѣ, въ друкарнѣ (типографіи) братской, отъ 20 Іюня 1590 г., въ которой сказано, что: „на завтріе Рождества Христова носятъ пироги, мнятъ въ честь Богородицы пологъ навѣваючи, еже есть великое нечестіе и наука нечестивыхъ еретикъ, Дѣва же Богородица паче слова и разума нетлѣнно и несказано рода“.

Наконецъ скажемъ еще какія кушанья ѣли наши предки во время праздника Рождества. Указаніе на это даетъ дополненіе къ „Домострою“ благовѣщенскаго попа Сильвестра; въ книгѣ „какія въ весь годъ въ столъ яствы подавать“ сказано: „въ великій мясоѣдъ св. Рождества Христова въ столъ яству подаютъ: лебеди, потрохъ лебяжій, гуси верченные, тетерева, куропти, ряби, поросята, баранина печеная, потрохъ поросячій, голова свѣжая подъ чеснокомъ, ухи курячьи, солонина съ чеснокомъ, губа лосья, осердіе (легкое) лосіе въ розсолѣ, мозгъ лосій, зайцы сковородные, гуси, минты кривые, тукмачи, лапши кулдуны и шти.

III.

Сказавъ объ обычаяхъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ празднованіе Рождества Христова, перейдемъ къ описанію церемоній происходившихъ во дворцѣ царскомъ и въ частныхъ домахъ нашихъ предковъ.

Въ сочельникъ, рано утромъ Государь дѣлалъ тайный выходъ въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ тайнаго приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню, равно какъ и идя по улицамъ.

Послѣ этого, переодѣвшись и отдохнувъ, царь шелъ въ столовую избу или золотую палату, или въ одну изъ придворныхъ церквей къ царскимъ часамъ въ сопровожденіи бояръ и всѣхъ думныхъ и ближнихъ чиновъ. Потомъ въ навечеріи праздника, Государь выходилъ въ Успенскій соборъ къ дѣйству многолѣтія. На этомъ выходѣ Царь бывалъ почти всегда въ бѣлой шелковой шубѣ съ кованнымъ золоченнымъ кружевомъ и золотою нашивкою.

Во время службы соборный архидіаконъ

кликалъ многолѣтіе Государю и всему царскому семейству по именамъ. По совершеніи дѣйства патріархъ съ властьми и со всѣмъ соборомъ здравствовалъ Государю, т. е. говорилъ *титло* и многолѣтствовалъ. Царь поздравлялъ патріарха и властей. Затѣмъ Государю здравствовали бояре, причемъ первенствующій изъ нихъ говорилъ поздравительную рѣчь по извѣстной формѣ. Царь милостивымъ словомъ поздравлялъ всѣхъ сановниковъ и народъ. Послѣ этого бояре здравствовали патріарху и властямъ, и тотъ-же бояринъ говорилъ патріарху титло и рѣчь. Когда уже совсѣмъ смеркалось, приходили во дворецъ славить Христа соборные протопопы, попы и пѣвчіе. Государь принималъ ихъ въ столовой избѣ, или въ передней палатѣ и жаловалъ имъ по ковшу бѣлаго и краснаго меда, который въ золотыхъ и серебряныхъ ковшахъ подавалъ одинъ изъ ближнихъ людей.

Въ самый праздникъ Рождества Христова Государь слушалъ заутреню въ столовой или въ золотой палатѣ. Во второмъ часу дня онъ выходилъ въ столовую избу, гдѣ и ожидалъ пришествія патріарха съ духовенствомъ. Въ переднемъ углу ставилось мѣсто государево,

а подлѣ него кресло для патріарха. Придя въ столовую, Государь садился до времени на свое мѣсто. Патріархъ, при пѣніи праздничныхъ стихирь, въ предшествіи соборныхъ ключарей, несшихъ крестъ на мисѣ и св. воду, въ сопровожденіи митрополитовъ и духовенства, шелъ къ Государю, который встрѣчалъ это шествіе въ сѣняхъ. Послѣ обычныхъ молитвъ пѣвчіе пѣли Государю многолѣтіе, а патріархъ говорилъ поздравленіе. Потомъ Царь и патріархъ садились на свои мѣста. Посидѣвъ не много и затѣмъ благословивъ царя, патріархъ шелъ тѣмъ-же порядкомъ къ Царицѣ.

Отпустивъ патріарха, Государь облекался въ царскій нарядъ и шелъ въ соборъ къ обѣднѣ. Послѣ литургіи, перемѣнивъ въ придѣлѣ Димитрія Солунскаго свое платье на обыкновенное, Государь возвращался во дворецъ, гдѣ приготовлялся столъ „на патріарха, властей и бояръ“, чѣмъ и оканчивался рождественскій праздникъ.

Къ царицамъ пріѣзжіе боярыни подносили *перепечи*, сдобные крупичатые куличи, или караваи. Въ 1663 году царицѣ Марьи Ильинишнѣ съ царевнами поднесено было 426 пе-

репечей. Малолѣтнихъ же царевичей славили иногда карлы. Такъ, въ 1659 году къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу приходили славить карлы Карпунька Аѳонасьевъ да Петрушка Семеновъ, за что имъ было дано 3 алтына и 2 деньги.

Наши же предки, бояре, праздновали святки особенно торжественно; такъ подъ конецъ Филипповокъ старики отправлялись закупать скороми, а старухи совѣтовались, въ чьемъ домѣ праздновать святки, избирая домъ побогаче, гдѣ есть невѣста. Хозяйка выбраннаго дома начинала посѣщать родныхъ, принимать старыхъ и малыхъ, — всѣхъ поименно, по отчеству съ поклонами да просьбами. За ними на другой день снаряжалась нянюшка или сватъ, который, являясь съ приглашеніемъ, говорилъ: «Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна кланяются вамъ, батюшка, Артомонъ Трифоновичъ, и вамъ матушка, Агафья Нелидовна...»

— Благодаримъ покорно Филимона Спиридоновича и Анну Карповну, — отвѣчали свату, а онъ снова начиналъ:

— Приказали-де они васъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ, и васъ, матушка, Агафья

Нелидовна, покорно просить отпустить вашу дочку на вечеръ посидѣть, на красныхъ дѣвушекъ поглядѣть, хлѣба-соли откушать, гуся нарушить.

— Напрасно Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна безпокоятся, мы—люди свои, и безъ этой чести постараемся побывать.

— Приказали-де они вамъ, — продолжалъ сватъ, — батюшка Артамонъ Трифоновичъ, и вамъ, матушка, Агафья Нелидовна, вспомянуть, уже такъ испоконъ вѣка заведено; не нами началось, не нами и кончится... Не нарушайте пира, не вводите въ изъянъ добрыхъ людей, нѣтъ у Анны Карповны дѣвичьяго веселья.

— Мы вѣдь не первые гости у Анны Карповны, и безъ нашихъ дѣтокъ составится дѣвичье веселье.

— Что-же прикажете сказать Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ?—спрашивалъ сватъ.

— Кланяйся, сватушка, Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ, непремѣнно побываемъ.

Наступалъ первый святочный вечеръ, и по улицамъ тянулись поѣзда, въ которыхъ во-

зили дѣвушекъ въ званый домъ погостить. Въ первыхъ саняхъ поѣзжанъ сиживала матушка съ дочкой, въ ногахъ — любимая подруга; въ другихъ саняхъ—домашній скарбъ, бабушки и нянюшки. Чѣмъ длиннѣе былъ поѣздъ, тѣмъ болѣе славы, тѣмъ почетнѣе было для званаго дома. По пріѣздѣ, впереди всѣхъ шла баба-позываика увѣдомлять хозяина о пріѣздѣ гостей, которые сидѣли въ саняхъ до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ на встрѣчу хозяинъ и хозяйка. Въ огромныхъ сѣняхъ встрѣчала гостей дочка съ подругами и нянюшками. Гости входили въ покои, молились, кланялись и никакъ не хотѣли садиться. Тогда ихъ заставляли силою сѣсть на лавки. Матушка, оставляя своихъ дочекъ, говорила: „Примите мою ненаглядую дитятку, утѣшайте и милуйте!“ Хозяйка завѣряла: „Не осрамимъ себя, удоволимъ дѣтище, не кинемъ себя въ грязь.“ Званыя дѣвушки тотчасъ дружились.

Съ ранней зари всѣ поднимались въ домѣ, однѣ только дѣвицы спали до обѣденъ. Поутру приходила ихъ будить сама хозяйка дома, въ сопровожденіи бабушекъ, которымъ дѣвушки разсказывали видѣнные ими сны и про-

сили ихъ отгадывать. Затѣмъ дѣвушки вставали, одѣвались и пили изварецъ (родъ особаго напитка, въ родѣ сбитня). Бабки—позыватки отправлялись изъ званаго дома просить матушекъ посмотрѣть на забавушки ненаглядныхъ дочекъ; батюшекъ — посидѣть на вечеринкѣ, тетушекъ, бабушекъ, кумушекъ, нянюшекъ и всѣхъ прочихъ — въ гостяхъ побывать. Нянюшекъ всегда принимали ласково. Когда всѣ собирались по приглашенію, то на столъ, на оловянныхъ или глиняныхъ блюдахъ, подавались разныя яства. Дѣвушки только отвѣдывали, боясь зоркихъ глазъ нянюшекъ, готовыхъ разнести по людямъ разнаго рода сплетни. За сытыми блюдами начинались совѣщанія, какія-бы сыграть игры. Дѣвушки причудницы спорили, ссорились и отъ досады прекращали завтракъ. Если-же завтракъ оканчивался мирно, нянюшки начинали собираться въ дорогу. Дѣвицы провожали нянюшекъ съ наказами кланяться батюшкамъ, да просить поскорѣе отъ родныхъ вѣсточекъ. Хозяйка приказывала: „просить родителей навѣстить дочекъ побывать на вечеръ“.

Крѣпкими запорами затворялись ворота, ни одно постороннее лице не впускалось на

дворъ. Въ это время красныя дѣвицы катались съ горъ, бросались снѣжками. Эти утѣхи не долго продолжались: холодъ загонялъ дѣвушекъ въ хоромы. Старшая нянюшка предлагала дѣвушкамъ святочныя игры, но дѣвицы не рѣшались на игры, поджидая каждая братца. Это была роковая минута для нихъ. Всякая дѣвица предполагала въ чужомъ братцѣ суженаго. Когда братцы приходили провѣдать сестрицъ, тогда начинались игры, изъ числа которыхъ отдавалось предпочтеніе игрѣ: „сижу посижу“, потому что въ ней нерѣдко приходилось дѣвушкамъ сидѣть на колѣняхъ чьего нибудь братца, а также игрѣ „коза и слѣпой козелъ“. Съ окончаніемъ игръ братцы прощались съ сестрицами и уходили. Оставшись однѣ, дѣвушки начинали загадывать загадки, продолжая ихъ разгадывать до самаго вечера.

Въ сумеркахъ начинали съѣзжаться званые гости. Хозяинъ встрѣчалъ у воротъ гостей, а хозяйка дожидалась у крыльца, дѣвушки же выбѣгали въ сѣни. Послѣ длинныхъ привѣтствій и всевозможныхъ пожеланій, хозяева сажали гостей по мѣстамъ, соблюдая при этомъ строгій выборъ. Богатые старики

всегда занимали первыя мѣста по правую сторону, часто рядомъ съ ними саживали пожилыхъ женщинъ. Молодыхъ женщинъ размѣщали на лѣвую сторону; онѣ обыкновенно должны были сохранять глубокое молчаніе, имъ дозволялось только заниматься „перебирочкой“, т. е. класть руки на колѣна, сложить пальцы съ пальцами и вертѣть однимъ большимъ пальцемъ около другого. Женщина въ такомъ занятіи считалась степенною. Свекрови и матери взирали на нее съ улыбкою; мужья и братья гордились такою степенностью, посторонніе ей завидовали. Молодые люди, особенно суженые, садились гдѣ нибудь въ уголкахъ, вмѣстѣ съ посторонними мужчинами. Дѣвицы усаживались чиннымъ порядкомъ пониже молодухъ, имъ позволялось перешептываться между собой, по временамъ выходили за гостинцами въ другія покои, откуда выглядывали нянюшки. Гости могли только изрѣдка смотрѣть на дѣвицъ, но вмѣшиваться въ ихъ разговоры никому не дозволялось.

Еще до пріѣзда гостей ставили посреди покоя, ближе къ переднему углу столъ съ закусками. Угощеніе гостей начиналось тот-

часъ послѣ ихъ пріѣзда. Хозяинъ на деревянныхъ подносахъ выносилъ наливки: смородинныя, яблочныя, рябинныя и т. п. крѣпкія напитки, провозглашалъ каждаго гостя по имени, прося его откушать, а хозяйка стояла сзади и кланялась въ поясъ. Иногда ломливый гость не бралъ стопы изъ рукъ хозяина, а съ настойчивостью требовалъ, чтобы его угощала хозяйка. Мужъ передавалъ женѣ свой подносъ. Гость, подымая кубокъ, говорилъ тысячу пожеланій каждому изъ членовъ семьи и для важности съ разстановкою. Такому гостю дозволялось поцѣловать хозяйку. Вслѣдъ за напитками хозяйка обносила гостей закусками. Молодымъ женщинамъ не подносили вина, онѣ часто сами выходили въ свѣтлицу хозяйки испить кваску, тамъ хозяйка угощала ихъ вишневкою или подавала имъ годовалый медъ. Дѣвицъ не угощали— онѣ имѣли въ узелкахъ матушкины гостинцы.

Послѣ безчисленныхъ угощеній являлись шуты потѣшать гостей. Наряженые въ разное платье, они начинали плясать, разсказывать прибаутки и побасенки, намекая часто въ нихъ на характеры гостей и слабости матушекъ въ отысканіи суженыхъ. За ними

вслѣдъ, съ дозволенія хозяевъ и почетныхъ гостей, входили наряженные въ маскахъ, или личинахъ. Въ числѣ ряженыхъ всегда бывали суженые изъ особъ постороннихъ, не приглашенныхъ на вечеринки. Самые забавные уборы ряженныхъ составляли: медвѣдь, коза, слѣпые лазари и бойцы. За неимѣніемъ масокъ большинство натирало лицо сажею, подрумянивалось кирпичемъ. На голову надѣвали безобразныя шапки. Гости упрашивали ряженныхъ повеселиться и тогда: коза съ медвѣдемъ отплясывала «камаринскаго», лазари пѣли стихиры, бойцы бились и боролись, старухи караулили на огородѣ горохъ и ловили воровъ. Въ числѣ послѣднихъ всегда бывали суженыя невѣсты. Людей непьющихъ принимали за важныхъ особъ и провожали съ честью. По уходѣ ряженныхъ вносился столъ на средину покоя, являлась почетная сваха со скатерью и накрывался столъ; старая нянюшка ставила на него блюдо съ водой. Гости усаживались, а посреди, прямо противъ блюда, садилась сваха. Нянюшки клали на столъ маленькіе кусочки хлѣба, соль и три уголька и начиналось пѣнье святочныхъ подблюдныхъ пѣсенъ, а потомъ дѣвушки гадали.

Во время святокъ дѣти ходили по домамъ съ веретеномъ и звѣздою и славили, что очень сходно съ западною календою. Хотя въ Россіи и не существовало западнаго праздника „Трехъ царей“, но со времени Алексѣя Михаиловича введено было въ обыкновеніе ходить Государямъ на святкахъ къ своимъ подданнымъ и славить Христа: Славленіе это начиналось съ полудня слѣдующимъ образомъ: процессіи предшествовали двое чиновниковъ, съ барабанами въ рукахъ и ударяли въ нихъ палочками, обернутыми сукномъ. За ними слѣдовалъ царь со всѣмъ клиромъ и толпою князей и бояръ.

Процессія эта совершалась обыкновенно на саняхъ, причемъ посѣщались только знатныя вельможи. По вступленіи въ домъ къ кому-либо, пѣли: „Тебѣ Боже хвалимъ“ и поздравляли съ новымъ годомъ, послѣ чего хозяинъ подносилъ царю денежный подарокъ и угощалъ всю свиту.

Въ городахъ и селахъ святочныя ночи посвящены были разъѣздамъ и пирушкамъ для поддержанія родства, пріисканія невѣстъ и суженыхъ. Люди бѣдные, не имѣвшіе богатыхъ родныхъ, не призываемые на вечеринки,

забавлялись на улицахъ кружками. Наряженные во всевозможные каррикатурные лики, они осмѣливались входить, какъ потѣшники, лишь въ тѣ дома, на окнахъ которыхъ были выставлены свѣчи, прямой знакъ, что въ домѣ находится невѣста.

Въ Тихвинѣ, въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, во время святокъ, снаряжалась большая лодка, которую ставили на нѣсколько саней, запряженныхъ чуть-ли не десяткомъ лошадей, и въ такомъ видѣ везли по главнымъ улицамъ города. Посреди лодки, окруженной народомъ и обвѣшанной массою разноцвѣтныхъ фонарей, сидѣли „потѣшники“ или „окружники“, какъ ихъ тамъ называли. Зажиточные люди приглашали ихъ къ себѣ и устраивали пирушку. Въ городѣ Торопцѣ, Псковской губ., вечеромъ въ домѣ бѣдной вдовы, извѣстной всѣмъ за женщину скромную и порядочную, собираются молодыя дѣвушки, вслѣдъ за которыми являются парни и, слушая подблюдныя пѣсни своихъ суженыхъ, отплачиваютъ каждый по возможности деньгами, которыя поступаютъ въ пользу вдовы. Такія вечеринки называются „субботками“.

IV.

Новолѣтія.

Предки наши до Петра I не начинали года съ января мѣсяца, который ничѣмъ не отличался у нихъ отъ другихъ мѣсяцевъ, кромѣ названія да еще и того, что впослѣдствіи сталъ именоваться „временемъ свадебъ“, или просто „свадьбами“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что славяне дѣлили, подобно римлянамъ, годъ на 12-ть мѣсяцевъ, которые, согласно временнымъ явленіямъ природы, назывались: январь — просинецъ, (по мнѣнію Н. М. Карамзина, отъ синевы неба, по мнѣнію другихъ—отъ глагола просить); февраль—сѣчень (отъ слова сѣку: или въ смыслѣ жестокихъ морозовъ, которые еще бываютъ у насъ въ февралѣ или, быть можетъ, славяне что нибудь сѣкли, рубили въ этомъ мѣсяцѣ); мартъ—сухій; апрѣль—березозолъ (по мнѣнію того-же Карамзина, отъ золы березовой, которую жгли славяне для щелока); май—травный; іюнь—изокъ (такъ называлась, какъ полагаютъ, у славянъ, какая-то пѣвчая птица);

іюнь—червень (не отъ красныхъ-ли плодовъ или ягодъ?); августъ—зоревъ (отъ зари или зарницы); сентябрь—рюень (или ревунъ, отъ рева звѣрей); октябрь—листопадъ (этимологія этого слова вполнѣ понятна); декабрь—студеный (отъ стужи или мороза).

Церковный годъ начинался съ 1-го марта, держась въ этомъ отношеніи библейскаго міровоззрѣнія. Самъ Богъ о мѣсяцѣ низанѣ, соотвѣтствующемъ нашему марту, заповѣдалъ Моисею и Аарону: „мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцей, первый да будетъ вамъ въ мѣсяцѣхъ лѣту“. Затѣмъ общее древнее іудейское и христіанское преданіе говоритъ, что въ этомъ мѣсяцѣ Богъ создалъ міръ и человѣка. Что же касается гражданскаго года, то начало его съ 1-го сентября имѣло первоначально иной смыслъ. Оно было установлено императоромъ Августомъ для правильнаго взноса податей чрезъ каждыя 5 лѣтъ пятнадцатилѣтняго круга индикта: этотъ 5 лѣтній срокъ назывался „люстранъ“. Люстръ и начинался съ 1-го сентября—времени, самаго удобнаго для взноса податей. Впрочемъ, замѣтимъ, что Ромулъ начиналъ свой годъ съ 1 марта, а Нума съ 1-го января. Этотъ первый мѣсяцъ названъ

былъ именемъ миѳологическаго божества Януса, котораго римляне считали царемъ всей Италіи. Въ этотъ день сановники въ новой одеждѣ ходили жертвовать въ храмъ Юпитера и подносили Янусу финики, фиги, молоко и плоды. Римляне въ древности означали, для памяти, наступившій годъ вколачиваніемъ гвоздя въ стѣну храма и по числу гвоздей вели счетъ прошедшимъ годамъ.

Восточная-же православная церковь, празднуя новый годъ 1-го сентября, установила впослѣдствіи начинать новолѣтіе въ память побѣды, одержанной въ 312 году Константиномъ Великимъ надъ Максентіемъ, жестокимъ гонителемъ христіанъ.

Историкъ Татищевъ говоритъ: въ 1342 году, при митрополитѣ Ѳеогностѣ, преніемъ о началѣ года, случившимся на соборѣ въ Москвѣ, рѣшено и положено было начинать какъ церковный, такъ и гражданскій годъ сентября 1-го числа. Вторичное подтвержденіе этого обстоятельства находимъ въ 1505 г., на соборѣ, утвердившемъ начинать новый годъ индиктомъ 1-го сентября.

О томъ, какъ предки наши проводили мартовское новолѣтіе, ничего неизвѣстно. Что

же касается празднованія года съ 1-го сентября, то историческіе памятники намъ говорятъ, что оно отличалось глубокимъ религіознымъ характеромъ. Цари этотъ день старались ознаменовать дѣлами правосудія и милосердія. Такъ, великій князь Іоаннъ III велѣлъ всѣмъ, имѣющимъ жалобы явиться на судный срокъ въ Москву, въ день Симона лѣтопроводца. Неявившійся считался виновнымъ, и надъ нимъ „*чинили правежъ*“, оправданному же давалась „*правая грамота*“. Церковь въ этотъ день съ особеннымъ торжествомъ совершала свои молитвословія. Люди богатые разсылали по страннопріимнымъ домамъ милостыню. Цѣлый день продолжался колокольный звонъ. Одинъ иностранный писатель такъ описываетъ встрѣчу новаго 1675 года при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ:

На Кремлевской площади при пожеланіи патріархомъ долгоденствія царственному дому, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, государственныхъ чиновниковъ, иностранныхъ посланниковъ и народа, играла музыка; Царь Алексѣй Михаиловичъ и патріархъ цѣловали взаимно другъ у друга руку. Евангеліе, которое держали два митрополита предъ

патріархомъ, было цѣною въ 170,000 червонцевъ. Послѣ поздравленія патріархомъ ближній бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій съ первостатейными боярами приносилъ поздравленіе Царю; за ними поздравляли Государя митрополиты, и, наконецъ, все духовенство. Послѣ литургіи былъ въ Грановитой палатѣ столъ, за которымъ пѣли Государевы и патріаршіе пѣвчіе.

Царь Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи встрѣчали новый 1698 годъ слѣдующимъ образомъ: на Кремлевской площади сидѣли оба Царя, на своихъ престолахъ, въ драгоцѣнныхъ одеждахъ; ихъ окружали бояре и народъ. Патріархъ взошелъ на возвышеніе, кропилъ ихъ и весь народъ св. водою, давалъ Государю цѣловать крестъ и желалъ долголѣтія и счастливаго царствованія.

За тѣмъ обращался къ народу, поздравлялъ съ новымъ годомъ и просилъ Божьяго благословенія во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. Народъ отвѣчалъ: „аминь, аминь“.

Въ 1699 году Петръ I въ послѣдній разъ праздновалъ съ патріархомъ Андріаномъ новый годъ по древнему обычаю, а потомъ по-

становилъ начинать новый годъ съ января мѣсяца.

„Лѣта отъ сотворенія міра 7208, декабря въ 20-ый день“ великій государь Царь Петръ Алексѣевичъ выдалъ такой указъ:

„О празднованіи Новаго года“.

„Великій Государь указалъ сказать: извѣстно ему, Великому Государю не только что во многихъ Европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ городахъ славянскихъ, которые съ Восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великаго Государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, всѣ тѣ народы, согласно лѣта свои считаютъ отъ Рождества Христова осмь дней спустя, то есть Генваря съ 1-го числа, а не отъ созданія міра, за многую рознь и считаніе въ тѣхъ мѣстахъ, и нынѣ отъ Рождества Христова доходитъ 1699 годъ, а будущаго Генваря съ 1-го числа настанетъ новый 1700 годъ, *купно и новый столѣтный вѣкъ*: и для того добраго и полезнаго дѣла, указалъ Великій Государь впредь лѣта счислять

въ Приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря съ 1-го числа отъ Рождества Христова 1700 года. А въ знакъ того доброго начинанія и *новаго столѣтнаго вѣка* въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чина, передъ вороты, учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ противъ образцовъ, каковы сдѣланы въ Гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ учинить возможно; а людямъ скуднымъ каждому хотя по древцу, или вѣтьвѣ на вороты, или надъ храминою своею поставить; и то-бъ то поспѣло, нынѣ будущаго Генваря, къ 1-му числу сего года, а стоять тому украшенію Генваря по 7-й день того-жъ 1700 года. Да Генваря жь въ 1-й день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляя Новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, учинить сіе: когда на большой Красной площади огненныя потѣхи

зажгутъ и стрѣльба будетъ, потомъ по знатнымъ дворамъ, Боярамъ и Окольничимъ и Думнымъ и Ближнимъ и знатнымъ людямъ палатнаго, воинскаго и купецкаго чина знаменитымъ людямъ, каждому на своемъ дворѣ изъ небольшихъ пушечекъ, буде у кого есть, и изъ нѣсколько мушкетовъ или инаго мелкаго ружья учинить трижды стрѣльбу и выпустить нѣсколько ракетовъ, сколько у кого случится, и по улицамъ большимъ, гдѣ пространство есть, Генваря съ 1-го по 7-ое число, по ночамъ, огни зажигать изъ дровъ или хворосту, или соломы, а гдѣ мелкіе дворы, собрался пять или шесть дворовъ, такой огонь класть, или кто похочетъ, на столбикахъ поставить по одной, или по двѣ, или по три смоленыя и худыя бочки, и наполняя соломою или хворостомъ, зажигать; а предъ Бурмистрскою Ратушею стрѣльбѣ и такимъ огнямъ и украшенію по ихъ разсмотрѣнію быть-же."

Самое торжество началось въ полночь 1-го января 1700 года и новаго вѣка. Колоколъ Ивана Великаго возвѣстилъ начало всенощнаго бдѣнія въ Успенскомъ соборѣ. Службу новолѣтію отправлялъ Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, который, поздравивъ

Царя и всѣхъ присутствовавщихъ въ соборѣ съ новымъ годомъ, сказалъ краснорѣчивую проповѣдь, доказывавшую необходимость перемѣны года и всю пользу этого. Къ началу литургіи введены были въ Кремль полки съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ; привезены пушки, которыя громкими выстрѣлами сопровождали многолѣтіе послѣ молебна. Духовенство, послы и бояре обѣдали у Царя, сидѣвшаго за столомъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гости явились также съ женами и дочерьми. Народъ пировалъ на площадяхъ передъ дворцомъ и угощался выставленными ему явствами, винами и пивомъ. За царскимъ столомъ гремѣла музыка и пѣли придворные и патріаршіе пѣвчіе. Вечеромъ трое тріумфальныхъ воротъ, главнѣйшія зданія и Церкви, а также частные дома богатыхъ людей, согласно царскому приказу, были иллюминованы и убраны транспарантами. Царь объѣзжалъ главныя московскія улицы и поздравлялъ народъ съ Новымъ годомъ. Возвратясь во дворецъ открылъ балъ, за которымъ слѣдовалъ ужинъ до утра, заключившій торжество введенія Новаго года.

Народъ, смотрѣвшій съ удовольствіемъ на

потѣшныя забавы, послѣ сталъ роптать на Петра, говоря: „Какъ Государь могъ перемѣнить теченіе солнца?“

Многіе суевѣры еще до сихъ поръ считаютъ новый годъ по древнему обычаю, а въ народѣ новый январскій день доселѣ извѣстенъ подъ названіемъ „Васильева дня“, въ который изстари совершаются различныя святочныя гаданія, игры и забавы, названныя въ „Стоглавѣ“: „скаредными образованіями, окрутами и скуратами“.

Голландскіе и нѣмецкіе протестанты ввели новый стиль въ лѣтосчисленіе съ 1700 года, а англичане съ 1752 года, но новый XVIII вѣкъ въ Москвѣ привѣтствовали годомъ ранѣе европейскихъ государствъ и ошибка, на счетъ новаго столѣтія съ нулеваго, а не съ перваго года, была повторена и сто лѣтъ спустя. Хотя 1-го декабря 1799 года оберъ-прокуроръ Св. Синода Д. И. Хвостовъ и спрашивалъ извѣстнаго историка Ник. Ник. Бантыша-Каменскаго: былъ-ли при Петрѣ „юбилей истекающаго столѣтія“, и если былъ, то „какого роду происходило торжество, какъ духовное, такъ и свѣтское“. На что Бантышъ-Каменскій отвѣчая, тонко замѣчалъ: „Кажется,

что въ отличномъ празднованіи перваго дня 1700 года не столько юбилей ознаменованъ, сколько перемѣна лѣтосчисленія, вводящая счетъ годовъ вмѣсто отъ сотворенія міра — отъ Рождества Христова".

Однако было признано неудобнымъ идти противъ историческихъ традицій и 28 декабря 1799 года императоръ Павелъ I далъ петербургскому архіепископу Амвросію повелѣніе о „празднованіи въ первый день наступающаго 1800 года и *новое столѣтіе*". Высочайшею властью былъ указанъ и порядокъ празднованія. Наканунѣ Новаго года „начать благовѣстъ во всѣхъ с.-петербургскихъ соборахъ и церквахъ къ всенощному бдѣнію, по полудни въ 12 часовъ (т. е. въ полночь), а отправлять оныя соборне, какъ и литургіи 1-го числа, и послѣ оныхъ быть благодарственному молебствію съ колѣнопреклоненіемъ". Празднованіе новаго столѣтія ознаменовано было еще тѣмъ, что въ ектеніяхъ на молебнѣ, вмѣсто словъ *новое лѣто*, говорили *новое столѣтіе*; въ морскомъ Богоявленскомъ соборѣ было „собраніе всего духовенства", наконецъ, во всѣхъ петербургскихъ церквахъ три дня сряду, „послѣ обѣдни до вечерни", продолжался звонъ.

V.

Новогоднія изданія или альманахи.

Всѣмъ изданіямъ, начинавшимся предъ началомъ новаго года, а также календарямъ, было присвоено названіе альманаховъ, которое составилось изъ арабскаго предлога *аль* и слова *мюнха* — возвѣщающій. Старѣйшимъ альманахомъ считается печатное произведеніе нѣмецкаго астронома Георга Нейербаха, жившаго въ Вѣнѣ въ 1461 году; онъ выходилъ подъ заглавіемъ „Альманаха на многіе года“ (pro annis pluribus).

Въ древней русской литературѣ также извѣстны были альманахи и книги эти причислялись къ разряду ложныхъ или апокрифическихъ, запрещенныхъ церковью. Первое запрещеніе альманаховъ на Руси появилось въ XII столѣтіи. Они осуждались и въ „Домостроѣ“, какъ непозволительная ересь и чародѣйство. Максимъ Грекъ писалъ спеціальное обличеніе противъ альманаха, доказывая священнымъ писаніемъ законопреступность такихъ книгъ. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ

у одного монаха была найдена при обыскѣ „*Книга печатная счету звѣздарскаго*“, печатана въ Вѣнѣ въ 1586 г., книга письменная, съ марта мѣсяца, во весь годъ лунамъ и днямъ и планетамъ и рожденіямъ человѣческимъ въ мѣсяцахъ и звѣздахъ, а также тетрадь письменная „о пусканіи жильной и рожечной крови“; таковы были и статьи альманаховъ. При самомъ дворѣ царя Алексѣя нерѣдко были люди, перенимавшіе понемногу западные обычаи, мода на альманахи утверждалась и у насъ. Дьяконъ Ѳедоръ, раскольничій писатель XIII вѣка, прямо упрекалъ Государя, что онъ „альманашное любитъ“. Съ теченіемъ времени звѣздочетскіе альманахи были забыты и мѣсто ихъ занялъ знаменитый „Брюсовъ календарь“, изъ котораго до сихъ поръ наши издатели календарей черпаютъ свои предсказанія о погодѣ. Единственный почти полный экземпляръ Брюсова календаря находится въ Императорской публичной библіотекѣ, но въ немъ всетаки не хватаетъ двухъ страницъ.

Вмѣстѣ съ обычаемъ новогоднихъ поздравленій, вошедшихъ въ употребленіе, какъ мы сказали, съ Петровскаго приказа поздравлять

другъ друга,—въ прошломъ же столѣтіи явилась мода писать стихи на новый годъ, который воспѣвалъ Ломоносовъ въ 1753, 55 и 64 годахъ, а Державинъ въ 1781, 97 и 1802 году. Стихотвореніе на новый 1797 годъ было написано Державинымъ потому, что онъ, по восшествіи на престолъ Павла I, былъ назначенъ правителемъ канцеляріи верховнаго совѣта и нѣсколько разъ просилъ у Государя инструкцій и, наконецъ, своею настойчивостью навлекъ на себя царскій гнѣвъ, вслѣдствіе чего былъ лишенъ своего званія и права являться ко двору. Чтобы возвратить къ себѣ благоволеніе Монарха, Державинъ написалъ оду на восшествіе его на престолъ, подъ заглавіемъ: „На новый 1797 годъ“ и поднесъ ее Императору чрезъ одного изъ любимцевъ его, именно С. И. Плещеева. Ода имѣла успѣхъ и Государь позволилъ, чрезъ адъютанта своего князя Шаховскаго, Державину пріѣхать ко двору и представиться, и одновременно данъ былъ приказъ начальнику кавалергардовъ впускать Державина, по прежнему въ кавалерскую залу.

1803 годъ воспѣлъ В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ, хотя не воспѣвалъ новыхъ годовъ, но

зато въ своемъ дневникѣ подъ 1-мъ январемъ 1834 года, записалъ слѣдующія строки: „Треть яго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ); меня спрашивали доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бы не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ“.

Мода воспѣвать новый годъ долго держалась: Бенедиктовъ прославилъ его въ стихахъ „Вазинки“, а Лермонтовъ на 1-ое января 1840 г. написалъ чудное стихотвореніе:

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ, и т. д.

VI.

Крещеніе.

Изслѣдователь быта Руси — Забѣлинъ говоритъ, что въ древности, по словамъ иностранцевъ, въ день Богоявленія, стекался народъ въ Москву со всего государства, чтобы видѣть освященіе воды патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ.

Въ 12 часовъ утра, а тогдашнему—въ 24 часу, какъ только начиналъ патріархъ въ Успенскомъ соборѣ службу, звонъ колоколовъ на Иванѣ-Великомъ возвѣщалъ народу, что Государь идетъ изъ своихъ палатъ къ Красному крыльцу. При появленіи Царя, народъ, увидѣвъ его пресвѣтлыя очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индійскаго дерева. Парадное царское платье онъ обыкновенно надѣвалъ въ соборѣ, въ предѣлѣ Димитрія Солунскаго. Въ соборъ, за Царемъ входили только высшіе чины, а прочіе, начиная со стольниковъ, останавливались на рундукѣ или полостѣ отъ Успенскаго собора до Архан-

гельскаго. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, Царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ; патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его крестомъ, а духовныя власти отдавали ему по два поклона.

Шествіе открывалъ отрядъ стрѣльцовъ, отъ 400 до 600 человѣкъ, а также выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 отъ каждаго. Всѣ они въ парадномъ платьѣ, шли по четыре въ рядъ. Одни несли золоченыя винтовки, ложи которыхъ были украшены перламутровыми раковинами, другіе — золоченыя копья, а третьи—съ золочеными партазанами, у которыхъ древки были обтянуты желтымъ или червчатымъ атласомъ съ золотымъ галуномъ. Кромѣ того, шли два пятидесятника съ обоюдоострыми топорами на древкахъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ серебряными кистями.

Затѣмъ, слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Шествіе Государя открывалось нижними чинами, по три въ рядъ. За ними шелъ постельничій съ царскою стряпнею; впереди его 12 стряпчихъ несли государево платье, которое Царь перемѣнялъ на Іордани.

Предъ Тайницкими воротами, надъ мѣстомъ, гдѣ совершалось погруженіе креста въ воду, устраивалась красивая Іорданская сѣнь, карнизъ которой былъ росписанъ красками и украшенъ крестомъ наверху. По угламъ были изображены четыре евангелиста, а внутри— апостолы и самое крещеніе Спасителя. Зеленые листья шелковыхъ и жестяныхъ цвѣтовъ, а также вырѣзныя изъ мѣди и раскрашенныя птицы дополняли украшеніе Іордани. Царское мѣсто подлѣ Іордани имѣло видъ небольшаго, круглаго храма съ 5-ью главами, сдѣланными изъ слюды съ золочеными крестами. Оно утверждалось на пяти точеныхъ столбахъ, расписанныхъ по золоту виноградными вѣтвями, а на рѣзномъ карнизѣ колоннъ помѣщались высеребряныя доски, съ „писаны стихи къ ердани“. Между столбами находились рамы съ круглыми, слюдяными окнами, писанныя по золоту и серебру красками. Одна такая рама служила дверью. Нижняя часть царскаго мѣста, или самая тумба стояла на пяти точеныхъ серебряныхъ яблокахъ и украшалась сквозною золоченою рѣшеткою. Внутри мѣсто задергивалось вокругъ тафтою. Помостъ около іорданской сѣни и царскаго и патріаршескаго мѣстъ

огараживался перилами и устилался краснымъ сукномъ. На Тайницкой башнѣ, въ виду всего войска, ставился капитанъ съ ясачнымъ знаменемъ, который давалъ знакъ бить въ барабаны въ честь праздника.

По погруженіи креста въ воду, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ Іордани и подавалъ келарю; потомъ онъ наполнялъ также государеву стопу, которую относили во дворецъ и здѣсь кропили святою водою иконы. Затѣмъ, трижды осѣнивъ Государя крестомъ, патріархъ кропилъ его святою водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войска, стоявшія по Москвѣ-рѣкѣ. Крестный ходъ возвращался тѣмъ-же самымъ порядкомъ въ Успенскій соборъ.

Петръ Великій, уничтоживъ санъ патріарха, тѣмъ самымъ положилъ конецъ многимъ обрядамъ, какъ, напримѣръ, шествію на осляти и переодѣванію Царя на Іордани, оставивъ только въ этомъ торжествѣ кропленіе знаменъ, что дѣлается и теперь.

Изъ записокъ Порошина, воспитателя Павла Петровича, можно видѣть, какъ праздновался день Крещенія въ царствованіе Императрицы

Екатерины II. Такъ, подъ 6 января 1765 г. записано: „Когда Ея Величество на сдѣланную противъ дворца Іордань за церковнымъ соборомъ шествовать изволила, Его Высочество также послѣдовалъ, но, дошедъ до дверей аванзалы, изволилъ пойти въ оное, и тамъ изъ окна смотрѣлъ на процессію. Всѣ послы и чины, коимъ измокнуть не захотѣлось (такъ какъ шелъ мокрый снѣгъ), смотрѣли тутъ-же. Отъ берега до построенной за Іорданью бесѣдки по разостланному сукну и коврамъ стояли кавалергарды. Между ихъ Ея Величество, въ предшествіи всего священнаго синклита, на Іордань проходить изволила. Войско стояло вокругъ Іордани продолговатою фигурою. Всѣхъ съ гвардіею въ строю было 8900 человѣкъ; къ Іордани снесены были знамена, кропили ихъ освященною водою, и, при погруженіи святаго креста, былъ произведенъ троекратный бѣглый огонь. По окончаніи пальбы, Государыня, сѣвъ въ сани, объѣзжала войска, а графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ ѣхалъ возлѣ саней въ полномъ римско-россійскомъ уборѣ кавалергардовъ, какъ пожалованный шефъ этого корпуса, въ шишакѣ съ бѣлымъ перомъ,

что весьма прекрасный и казистый видъ дѣлало".

Бывшій въ Россіи въ это время (въ 1765—66 гг.) извѣстный авантюристъ Казанова въ своихъ запискахъ пишетъ: „Я присутствовалъ зимою, въ день Богоявленія, при особенномъ обрядѣ, водосвятія на рѣкѣ Невѣ, покрытой въ это время толстымъ слоемъ льда. Церемонія эта привлекаетъ бездну народа, ибо послѣ водосвятія крестятъ въ рѣкѣ новорожденныхъ не посредствомъ обливанія, а чрезъ погруженіе нагихъ младенцевъ въ прорубь на льду". Въ проруби до сихъ поръ на Руси купаются иногда рядившіеся на святкахъ, хотя это запрещалъ дѣлать еще Петръ I, которымъ изданъ былъ указъ по этому поводу, отъ 17 апрѣля 1721 года.

Пушкаревъ въ „Описаніи Петербурга", говоритъ, Императоръ Павелъ I и Александръ I любили присутствовать при крестныхъ ходахъ изъ церкви Рождества Іоанна Предтечи, которая находится на Каменномъ островѣ при Инвалидномъ домѣ Императора Павла I для морскихъ солдатъ. Павелъ Петровичъ иногда ранѣе торжественнаго освященія воды при Зимнемъ Дворцѣ присутствовалъ на крестномъ

ходѣ на Каменномъ острову при церкви Іоанна Предтечи, почему тамъ была совершаема ранняя обѣдня.

Однажды Императоръ Павелъ, подходя съ церемоніи къ іорданскому подъѣзду Зимняго Дворца, послѣ крещенскаго парада, замѣтилъ бѣлый снѣгъ на трехугольной шляпѣ поручика.

— У васъ бѣлый плюмажъ!—сказалъ Государь.

Бѣлый плюмажъ составлялъ тогда отличіе бригадировъ, чинъ которыхъ въ арміи, по табели о рангахъ, соотвѣтствовалъ статскимъ совѣтникамъ.

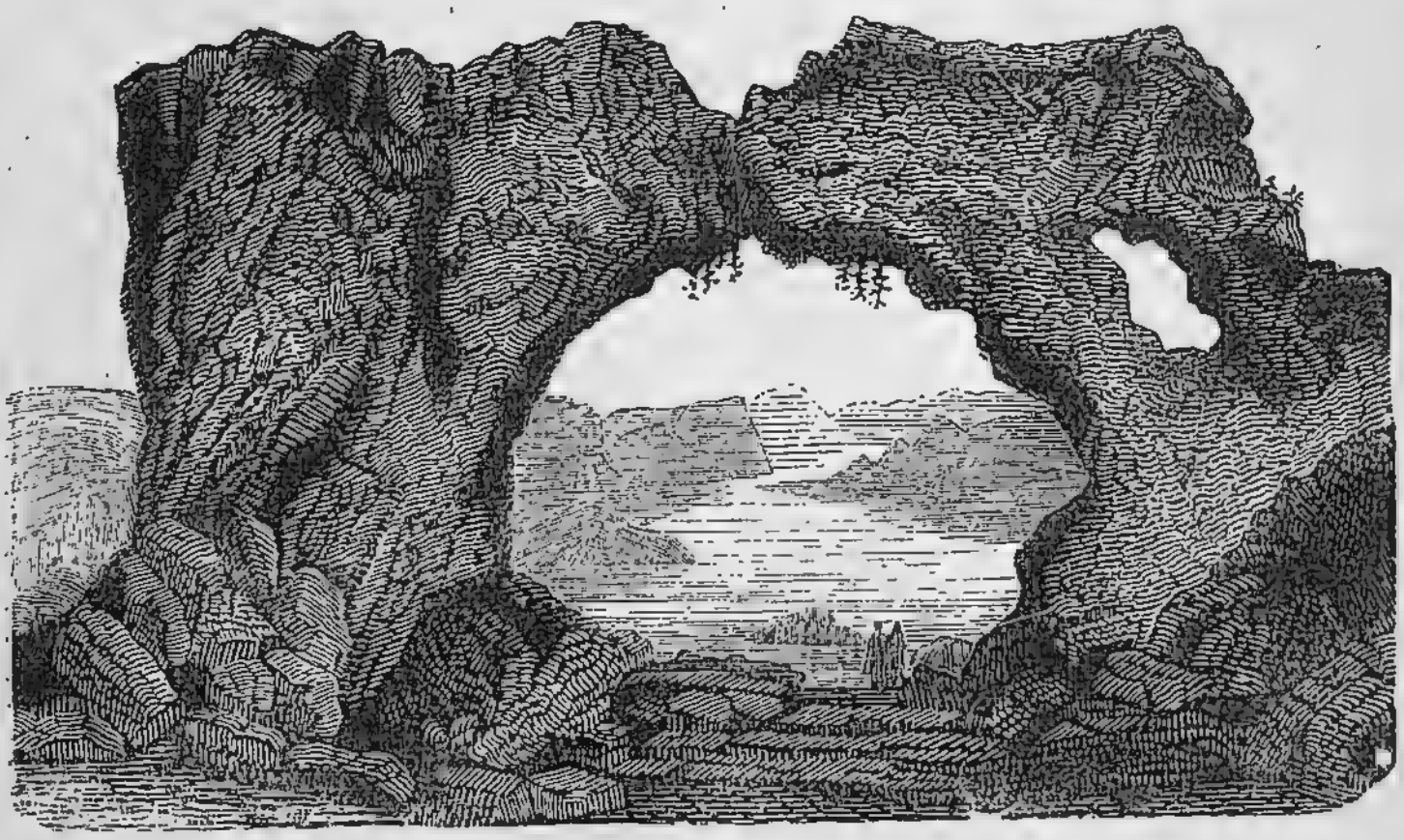
— По милости Божіей, Ваше Величество!—отвѣтилъ находчивый поручикъ.

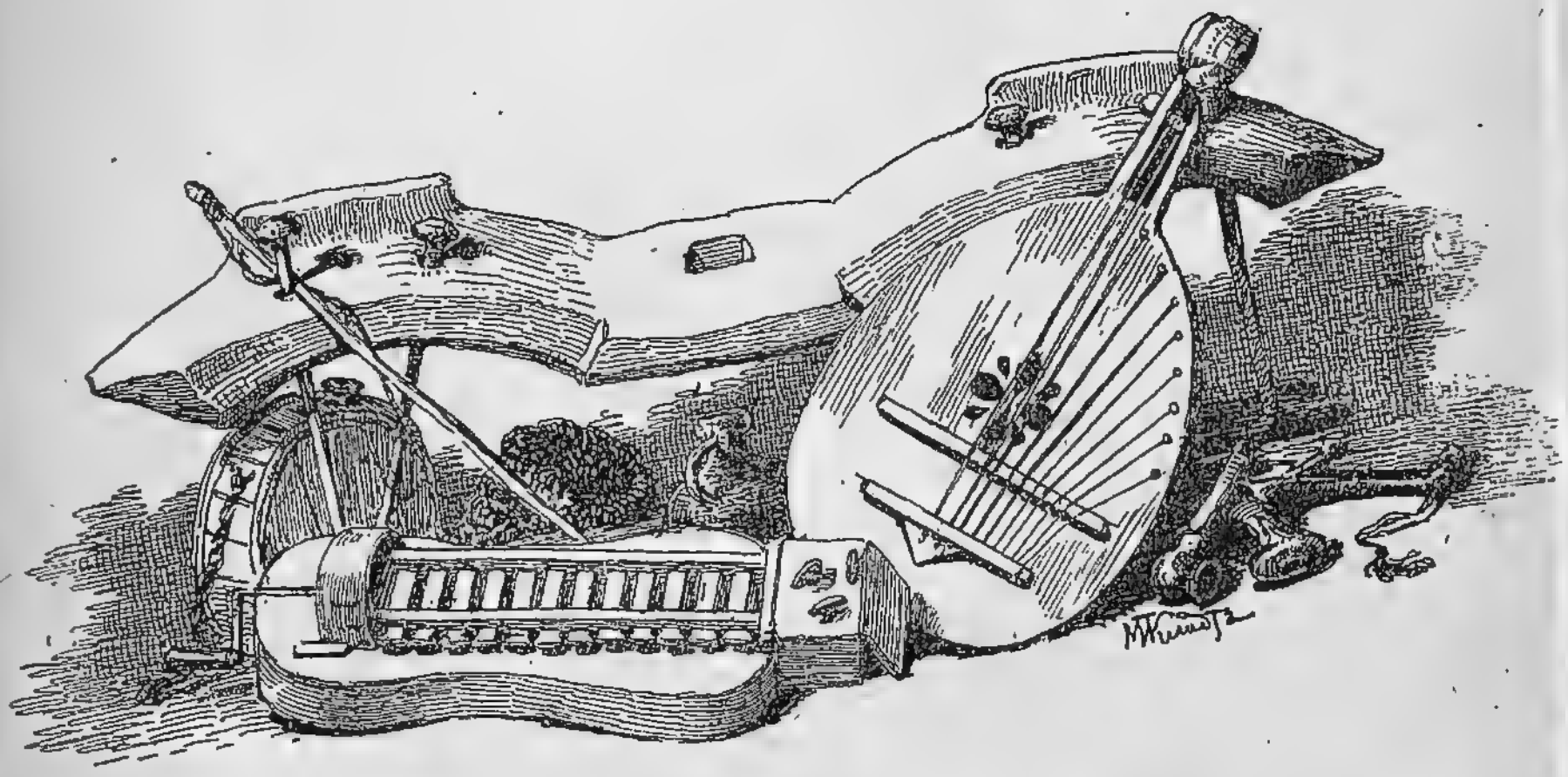
— Я никогда противъ Бога не иду! Поздравляю тебя бригадиромъ!—сказалъ Государь, идя во Дворецъ.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, всѣмъ парадомъ 6 января командовалъ, читаемъ въ „Сѣверной пчелѣ“, Его Высочество Михаилъ Павловичъ, а всею пѣхотою Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II. Съ прибытіемъ во дворецъ взводовъ военно-учебныхъ заведеній,

Ихъ Высочества Николай и Михаилъ Николаевичи изволили встать въ ряды кадетъ I-го Корпуса и находиться въ строю въ продолженіи всего парада. Его Высочество Константинъ Николаевичъ находился при карабинернома взводѣ л.-гв. Финляндскаго полка (котораго впослѣдствіи былъ шефомъ). По относѣ знаменъ во дворецъ, бывшіе въ парадѣ воспитанники учебныхъ заведеній послѣ того были угощены Государемъ, въ Александровской залѣ, чаемъ.

Теперь эта церемонія совершается почти также, но при 10 градусахъ мороза наружный парадъ войскъ отмѣняется.





МАСЛЯНИЦА.

Масляница.

I.

Русская масляница, какъ не безъ основанія предполагаетъ Снегиревъ, ведетъ свое начало изъ языческаго праздника, совершавшагося предками нашими въ честь Волоса, скотья бога. Самыя даже яства подтверждаютъ это предположеніе.

Въ Новгородской губерніи до сихъ поръ существуетъ обычай въ день св. Власія, 11 февраля, приносить въ церковь для освященія свѣжее коровье масло, которое называется волоснымъ, что напоминаетъ о скотьемъ языческомъ богѣ Волосѣ, память о которомъ смутно, но всетаки еще до сихъ поръ сохранилась въ русскомъ народѣ. Новгородская церковь Св. Власія стояла даже на Волосовой

улицѣ, т. е. на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ истуканъ бога Волоса.

Канунъ масляницы есть вселенская суббота или большая родительская, въ которую всѣ православные поминаютъ усопшихъ своихъ родителей. Этотъ день по введеніи христіанства Св. Владиміромъ тѣмъ болѣе полюбился русскимъ, что онъ отчасти совпалъ съ древнею тризною, которая, принимая указанія археологовъ, что первые насельники Европы были обитатели на мѣстѣ Руси, перешла и къ римлянамъ, гдѣ долгій праздникъ фебруалій въ честь бога фебрууса, заключался февраліями, торжественной жертвой по умершимъ. Съ принятіемъ Русью христіанства недѣля, предшествующая Великому посту, называлась вначалѣ мясопустомъ, потому что въ эту недѣлю запрещалось есть мясо. Названіе же *сырной недѣли* и масляницы явились не ранѣе XVI вѣка. Всякому вѣдь извѣстно, что нашъ мясопустъ совершенно соотвѣтствуетъ западному *карнавалу*, названіе котораго составилось изъ двухъ латинскихъ словъ: carnis-vale т. е. говядина прощай: впрочемъ, другіе производятъ его отъ словъ: carnis-aval, т. е. говядину поѣдай.

И такъ масляница есть чисто русское дѣ-

тище, объ этомъ говоритъ даже французскій писатель Жюль Жаненъ. По его словамъ: „масляница вѣроятно родилась на сѣверѣ, она дочь мороза. Человѣкъ увидалъ ее прячущуюся за сугробомъ снѣга, а законодатель призвалъ ее въ помощь человѣку въ самое суровое и печальное время года, и она явилась съ жирными, румяными щеками, съ коварнымъ глазомъ, съ обнаженною грудью, не съ улыбкой на устахъ, но съ хохотомъ. Она заставила человѣка забыть о зимѣ, разогрѣла зазябшую кровь въ его жилахъ, схватила его за руки и пустилась танцовать съ нимъ до обморока“.

Дѣйствительно иностранцы, бывшіе на Руси тому назадъ лѣтъ 200, пишутъ: „Во всю масляницу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, развратъ и убійства, такъ что ужасно слышать о томъ всякому христіанину. Во все время ничего болѣе не слышно какъ: того-то убили, того-то бросили въ воду. Нынѣшній патріархъ (Адріанъ) давно уже хотѣлъ уничтожить этотъ бѣсовскій праздникъ, но не успѣлъ; однако жъ онъ сократилъ его на 8 дней“ *).

*) См. книгу Одерборна, изданную въ Лейпцигѣ въ 1698 г. на лат. яз.—«Жизнь царя Іоанна Грознаго».

Такъ широко праздновали масляницу на Руси, почему не даромъ въ народѣ нашемъ сохраняются доселѣ поговорки: „не житье, а масляница“; „не все коту масляница“; „Сваталась Маланья на масляницѣ, думала—гадала замужъ пойти, а того Маланья не вѣдала, что масляница только ставитъ молодыхъ на показъ“; „выпили пива на масляницѣ, а съ похмѣлья ломало послѣ радоницы“.

Въ сочиненіи Терещенко „Бытъ русскаго народа“ приведено нѣсколько обычаевъ, совершаемыхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на масляницѣ, и напоминающихъ собою обряды языческіе. Такъ въ Костромской губ. въ послѣдній день масляницы, въ воскресенье, составляется верховая поѣздка изъ наряженныхъ мужчинъ, съ соломенными на головахъ колпаками, называемая обозомъ. Вечеромъ того же дня ряженыя выѣзжаютъ за городъ и сжигаютъ тамъ свои колпаки, а въ деревняхъ и селахъ вечеромъ женщины и мужчины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складываютъ ихъ въ одну кучу и зажигаютъ, это значитъ—сжигаютъ масляницу.

Въ Саратовской губ. (Хвалынскаго уѣзда, возятъ масляннцу — деревянную куклу, по-

саженную верхомъ на лошадь и идя за ней поютъ веселыя пѣсни. Въ воскресенье хоронятъ куклу, что называютъ похоронами масляницы.

Въ Ярославлѣ съ четверга поютъ коляду:

Ужь какъ шли ребята колядовщики,
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Колядовщики, все фабричники,
Виноградъ, красно-зеленая моя!

(Припѣвъ этотъ повторяютъ послѣ каждаго стиха пѣсни).

Мы искали двора господина своего,
Господинъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столахъ
Посреди двора, посреди широкого,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе.
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ теремѣ часты звѣздочки
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяйка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Млады дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя...

По окончаніи пѣсни радушные хозяева дарятъ колядовщикамъ деньги и угощаютъ ихъ виномъ. При прощаньи колядовщики поютъ хозяину благодарность:

Благодарствуй хозяинъ на хлѣбѣ, на солѣ, и
жалованьѣ
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, со двора пустилъ,
Виноградъ, красно-зеленая моя.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ во время масляницы существуютъ еще особаго рода потѣхи.

Напримѣръ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ на масляницѣ строятъ на рѣкѣ городокъ изъ снѣга; городокъ этотъ укрѣпляютъ башнями, дѣлаютъ въ нихъ двое воротъ, и прорубаютъ вблизи города прорубь. Къ этому городку собирается множество мальчиковъ, пѣшихъ и конныхъ; пока пѣшіе занимаютъ городокъ, конные готовятся къ нападенію; наконецъ конница, по знаку своего начальника, бросается на приступъ и начинается битва. Осажденные храбро защищаютъ городъ противъ конницы, чтобы не допустить ихъ ворваться въ крѣпостныя ворота, отбивая ихъ метлами и помелами. Однако конница беретъ верхъ и побѣдоносно въѣзжаетъ въ ворота городка; потомъ купаютъ въ проруби своего начальника, а затѣмъ, вмѣстѣ съ осажденными, разрушаютъ городокъ съ веселыми

пѣснями и возвращаются домой; такой-же обычай существуетъ въ Сибирѣ. Недавно написанная картина Сурикова прекрасно иллюстрируетъ взятіе городка.

Въ Архангельскѣ въ четвергъ возятъ по городу корабль, убранный разноцвѣтными флагами и испещренный изображеніями рыбъ, звѣрей и птицъ, чучелы и шкуры которыхъ развѣшаны на его мачтахъ. Поѣздъ корабля сопровождается ряженными, съ музыкой и пѣснями. Обычай этотъ вѣроятно занесенъ въ Архангельскъ ссыльными или переселенцами изъ Москвы и Петербурга, видѣвшими маскарадныя шествія на улицахъ при Петрѣ Великомъ, о которомъ сказано будетъ ниже.

Къ числу потѣхъ масляницы должно отнести и кулачные бои, которые есть остатокъ древней военной потѣхи, ибо наши предки сражались со своими врагами на кулачкахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтопись: въ XIII столѣтіи во время войны Великаго Князя Кіевскаго Мстислава III противъ Великаго Князя Юрія Всеволодовича, Мстиславъ и Владиміръ Князь Псковскій, поощряя своихъ Новгородцевъ и Смолянъ къ сопротивленію противъ непріятеля, представили на ихъ волю сра-

жаться пѣшими, или на коняхъ, тогда Новгородцы отвѣчали: „*мы не хотимъ на коняхъ, но, по примѣру предковъ нашихъ, пѣши и на кулакахъ биться*“.

Было время, когда наши бояре, собравшись повеселиться, свозили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для своей потѣхи. Бойцы казанскіе, тульскіе и калужскіе славились болѣе другихъ, выдерживали сильный бой съ татарами, пріѣзжавшими въ Москву съ икрою и рыбами, выигрывали большіе залоги и платились нерѣдко за свою отвагу жизнью. Кулачные бои совершались тремя способами: бой одинъ на одинъ считался самымъ лучшимъ; ужасная, полная драматизма картина такого боя воспроизведена кистью художника Пескова, къ сожалѣнію рано умершаго. Затѣмъ, также практиковался бой — стѣна на стѣну, а рѣже всего допускался бой сцѣплялка-свалка. Лучшими бойцами „одинъ на одинъ“ считались тульскіе бойцы, а „стѣна на стѣну“ славились казанскіе суконщики. Сцѣплялка-свалка обыкновенно происходила, благодаря старикамъ, которые подзадоривали молодыхъ разсказами и обѣщаніями также биться; молодые переходили съ

вѣстями изъ двора во дворъ, дѣти выходили на затравку и составляли предвѣстниковъ сцѣплялки. Когда бились „стѣна на стѣну“ то запасныхъ бойцовъ каждая сторона уговаривала стоять за ея стѣну, и они выпускались только тогда, когда непріятель пробивалъ стѣну. Надежда-боецъ летѣлъ съ шапкою въ зубахъ, билъ груды на обѣ стороны, лежащаго не трогалъ, и пробивъ стѣну возвращался съ толпою льстецовъ прямо въ кабакъ. Часто случалось, что слабые бойцы закладывали въ рукавицы бабки-чугунки для пораженія противника.

Герберштейнъ, бывшій въ Россіи при Іоаннѣ Грозномъ также упоминаетъ о кулачныхъ бояхъ, которыми забавлялись москвичи въ праздничные дни. Кулачнымъ боемъ у мальчишекъ ознаменовывалась встрѣча масляницы, предъ которою, въ воскресенье, послѣ заутрени церковь наша совершала „дѣйство страшнаго суда“.

На площади, за алтаремъ Успенскаго собора, устроивали мѣста для патріарха и Царя. Противъ патріаршескаго мѣста ставили козелъ или рундукъ (подмостки) обитый краснымъ сукномъ, куда приносили образъ Страшнаго

Суда, большой налой съ наволокою подъ икону Богородицы и подъ Св. Евангеліе и приготовляли столъ для освященія воды.

Самое дѣйство совершалось по особому „чиновнику“ или уставу и состояло въ пѣніи стихеръ, въ освященіи воды и чтеніи на четыре страны евангелія, послѣ котораго патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго Суда и прочія иконы, вынесенныя къ дѣйству. По окончаніи дѣйства патріархъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою Государя и духовныхъ и свѣтскихъ властей. Это дѣйство происходило иногда и въ самомъ Успенскомъ соборѣ, а за болѣзнью патріарха и совсѣмъ отмѣнялось. Передъ выходомъ на дѣйство, рано утромъ, Государь совершалъ обходъ тюремъ и приказовъ, гдѣ сидѣли колодники, и всѣхъ богадѣленъ; тамъ раздавалъ онъ своеручно милостыню и освобождалъ преступниковъ.

Народъ нашъ называетъ масляницу—честною, широкою; всѣ дни сырной недѣли имѣютъ свои особыя названія: встрѣча—понедѣльникъ, заигрыши—вторникъ, лакомка—среда, разгулъ, переломъ—четвергъ, тещины вечерки—пятница, золовкины посидѣлки—

суббота, проводы, прощанья, цѣловальникъ, прощенный день—воскресенье.

На первый день масляницы русскій народъ справляетъ встрѣчу чистой масляницы—широкой боярыни. Дѣти съ утра выходятъ на улицу строить снѣжныя горы, скороговоркой причитывая: „звалъ, позывалъ чистый семикъ широкую масляницу къ себѣ въ гости на дворъ. Душа-ль ты моя масляница, перепелиныя твои косточки, бумажное тѣльце, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкій дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ повалять ся, сердцемъ потѣшиться“ и т. д. Неизвѣстно, когда и кѣмъ позываніе масляницы перенесено было на лубочныя картинки. Послѣ такой встрѣчи дѣти сбѣгаютъ съ горъ и кричатъ: „пріѣхала масляница, пріѣхала масляница!“ Встрѣча оканчивается, какъ уже сказано выше, кулачнымъ боемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мальчики приготовляютъ утромъ соломенную куклу, которую съ вышеприведеннымъ припѣвомъ ввозятъ на гору. Зажиточный людъ начиналъ встрѣчу масляницы посѣщеніемъ родныхъ. Съ утра свекоръ со свекровью отправляли невѣстку на день къ отцу съ матерью, а ве-

черомъ сами приходили къ сватамъ въ гости. Тутъ за круглой чарой, условливались, когда и гдѣ проводить время, кого звать въ гости, когда кататься по улицамъ. Къ первому дню масляницы устраивали горы, качели висячія и круговыя, балаганы для скомороховъ, столы съ сладкими яствами. Не ходить на горы, не качаться на качеляхъ, не потѣшаться надъ скоморохами значило въ старину—жить въ горькой бѣдѣ, а то при старости лежать на смертномъ одрѣ, сидѣть калѣкой безъ ногъ.

Богатые люди съ понедѣльника начинаютъ печь блины, а бѣдные съ четверга или пятницы. Въ старину первый блинъ отдавался нищей братіи на поминъ усопшихъ. Въ селеніяхъ степной полосы первый блинъ кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ и старухи, кладя блинъ на это окно, приговариваютъ: „честные наши родители, вотъ для вашей души блинокъ“. Опару для блиновъ стряпухи приготовляютъ съ особыми обрядами. Однѣ опару готовятъ изъ снѣга, на дворѣ, когда выйдетъ. Здѣсь они причитываютъ: „мѣсяцъ ты мѣсяцъ, золотыя твои рожки! взглянь въ окошко, подуй на опару“; отъ этого будто блины бываютъ

бѣлые и рыхлые. Другія выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчку, колодезь или озеро, когда появятся звѣзды. Приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ. Малѣйшая неосторожность стряпухи наводитъ на хозяйку тоску на всю масляницу. Гдѣ нѣтъ свекра или свекрови, а молодые встрѣчали первую масляницу, тещи приходили къ зятьямъ учить своихъ дочекъ печь блины. Въ старину зятья и дочери приглашали заранѣе такихъ гостей поучить ихъ уму-разуму. Это приглашеніе считалось нашими бабушками за великую честь; о немъ говорили всѣ сосѣди и родныя. Званая теща обязана была прислать съ вечера весь блинный снарядъ: таганъ, сковороды, половникъ и кадку, въ чемъ ставятъ блины. Тесть присылалъ мѣшокъ манной грѣшневой муки и кадушку коровьяго масла. Неуваженіе зятя къ этому обычаю считалось безчестіемъ и обидой и поселяло вѣчную вражду между тещей и зятемъ.

На *заигрыши* съ утра принимаются дѣвицы и молодцы покататься на горахъ, поѣсть блиновъ. Въ богатыхъ домахъ къ этому дню братцы устраивали горы для сестрицъ среди

двора. Матушки посылали позыватокъ съ наказомъ: „у насъ—де горы готовы и блины напечены — просимъ жаловать“. Позыватокъ встрѣчали съ почетомъ и привѣтомъ угощали виномъ и блинами и отпускали, прося „кланятья хозяину и хозяйкѣ съ дѣтками и со всѣми домочадцами; а дѣтокъ своихъ пришлемъ къ вечеру“. Отказъ всегда объявлялся условленнымъ, общимъ выраженіемъ: „у насъ —де состроены у самихъ горы и прошены гости“. Сосѣди толковали такіе отказы по своему: „здѣсь—де начинается разладъ и дочку прочатъ за другого“. Вообще надо замѣтить, что всѣ масляничныя удовольствія клонились къ сватовству, чтобы послѣ Великаго поста сыграть на красной горкѣ свадьбу.

Гостей принимали и встрѣчали у воротъ, у крыльца и у образной. Послѣ нѣсколькихъ угощеній отпускали покататься на горы, гдѣ братцы высматривали невѣстъ, а сестрицы поглядывали украдкой на суженыхъ.

На лакомки въ среду, тещи принимали своихъ зятьевъ къ блинамъ, а для забавы любимаго зятя сзывали всѣхъ своихъ родныхъ. Въ г. Тулѣ тещи для зятя пекутъ еще блинцы, аладьи и творожнички. Въ Нерехтѣ бываетъ

съѣздъ изъ деревень дѣвицъ—молодыхъ и пожилыхъ, гдѣ онѣ, въ праздничныхъ платьяхъ катаются отдѣльно отъ мужчинъ. Насмѣшливый нашъ народъ составилъ нѣсколько пѣсенъ о заботливости тещи при угощеніи зятя. Эти пѣсни вечеромъ поютъ холостые съ розовыми олицетвореніями: наряженный медвѣдь играетъ разные фарсы, какъ теща про зятя блины пекла, какъ у тещи головушка болитъ, какъ зять-то удалъ тещѣ спасибо сказалъ.

Въ *широкій четвергъ* начинается масляничный разгулъ: катанье по улицамъ, разные обряды и кулачные бои. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Юрьевѣ и Владимірѣ возили еще не такъ давно по улицамъ мужика. Для поѣзда выбирали огромныя сани, утверждали въ срединѣ столбъ, на который привязывали колесо, а на него сажали мужика съ виномъ и калачами. За этими санями тянулся поѣздъ съ народомъ, который пѣлъ и игралъ. Прежде въ Зарайскѣ возили на саняхъ дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками, въ сопровожденіи толпы народа. Въ Сибири масляница возится на нѣсколькихъ саняхъ, на которыхъ устраивается домикъ или корабль.

На *тещины вечерни* зятья угощаютъ своихъ тещъ блинами. Приглашенія бываютъ почетныя со всею роднею къ обѣду или запросто на одинъ ужинъ. Прежде зять обязанъ былъ съ вечера лично приглашать тещу, а потомъ утромъ присылать парадныхъ позыватокъ. Чѣмъ болѣе бывало „званыхъ“ тѣмъ тещѣ болѣе оказывалось почести. Дружко или сватъ приглашался къ такимъ порядкамъ позывомъ, а за свои хлопоты съ обѣихъ сторонъ получалъ подарки.

На *золовкины посидѣлки* молодая невѣстка приглашала родныхъ своихъ къ себѣ въ гости. Если золовки были еще въ дѣвушкахъ, тогда невѣстка созывала старыхъ подругъ своихъ—дѣвушекъ; если же онѣ были выданы замужъ, то она приглашала родню замужнюю и со всѣмъ поѣздомъ развозила гостей по золовкамъ. Новобрачная невѣстка обязана была дарить своихъ золовокъ подарками.

Проводы масляницы и прощаніе отправляются на Руси съ различными обрядами. Проводы честной масляницы въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губерніяхъ состояли въ разъѣздахъ по городу и селамъ. Для

поѣзда сколачивали нѣсколько дровень и саней. Въ передніе ставили столбъ и на него клали колесо, на которое сажали мужика опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ, Вмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ него пѣли, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившіе изъ деревень забавляться съ городскими весельчаками. Прощальный поѣздъ въ Ярославлѣ называется—*околки*, Нерехтѣ—обозъ, въ Тулѣ—кругъ или конецъ. Въ Нерехтѣ на проводахъ сожигаютъ масляницу. Вечеромъ послѣ всѣхъ гуляній и забавъ выходитъ молодой народъ: женщины и мущины, дѣвицы и дѣти изъ своихъ дворовъ съ соломою. При пѣніи пѣсень сжигается солома. Прощаніе бываетъ съ живыми и покойниками. Въ Тулѣ и Зарайскѣ выходятъ на кладбище утромъ и на могилахъ просятъ прощенія у покойниковъ; съ кладбища заходятъ прощаться съ священникомъ. Новобрачные ѣздятъ по своимъ роднымъ отдариваютъ тестя съ тещею, сватовъ и дружекъ за свадебные подарки. Здѣсь кромѣ подарковъ приносились и пряники, испещренные

узорами и надписями: „кого люблю—того дарю“ „отъ милаго подарокъ — дороже золота“ и т. д. Тульскіе пряники, бѣлевскіе медовики, вяземскія коврижки считались у нашихъ дѣдовъ дорогими подарками. На прощеный день ѣздятъ также отдаривать кума съ кумой. За ризки и первый зубокъ привозятъ соотвѣтственные подарки; но и здѣсь пряники составляли необходимую принадлежность. Въ деревняхъ самый почетный подарокъ для кума состоитъ изъ полотенца, а для кумы — изъ бруска мыла. Прощеніе между родными и знакомыми происходятъ вечеромъ. Дѣти кланялись въ ноги своимъ родителямъ и просили прощенія; послѣ нихъ приходили всѣ близкіе знакомые.

Въ чистый Понедѣльникъ собирались ребятишки и держа въ рукахъ ухваты и сковороды обернутыя въ тряпки, кричали, подходя къ каждому дому: „мы масляницу прокатили, святыя вечера проиграли, Рожествень постъ пропряли, свѣтъ ты нашъ масляница, дорогая, неумытая, гдѣ ты ночку ночевала? Подъ кустомъ на дорожкѣ, ѣхали скоморошки, вырѣзали по пруточку, сдѣлали по гудочку: вы гудочнички не гудите и вы нашу масля-

ницу не будите: пора перестать пить ѣсть да спать. Пора передъ Богомъ встать!...“

О томъ, какъ повсемѣстно соблюдался обрядъ прощенаго дня, сохранилось очень любопытное описаніе въ актахъ археографической коммисіи, 1598 года, объ избраніи въ Цари Бориса Годунова: „Митрополиты, архіепископы и епископы благословиша Царя и прощеніе подаша ему и отъ него прощеніе купно получиша“. Иностранный писатель Маржеретъ отмѣчаетъ между прочимъ, всѣ подробности прощенаго дня 1698 года. Такимъ образомъ, обрядъ этотъ соблюдался въ старину повсюду, отъ царскаго терема до самой убогой хижины.

Государи наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ среду на масляницѣ посѣщали городскіе монастыри, прощались въ нихъ съ братіею и больничными старцами и жаловали имъ денежную милостыню. Царь ѣздилъ въ загородные монастыри въ четвергъ, а чаще въ пятницу, въ Новоспаскомъ-же монастырѣ— Государи изъ Дома Романовыхъ прощались у гробовъ. Въ субботу Царь, въ сопровожденіи бояръ и патріарха, ходилъ для прощанія къ Царицѣ, къ которой съѣзжались также

боярыни для прощанія по особому оффиціальному указу.

Въ прощеное воскресенье, *предъ* литургіею, приходилъ прощаться къ Государю патріархъ со всѣми духовными властями, въ предшествіи соборнаго ключаря, который несъ крестъ и святую воду. Отпустивъ патріарха, Царь совершалъ обрядъ прощанія со своими придворными, жалуя ихъ къ рукѣ, причемъ по правую и лѣвую сторону его стояли первостепенные бояре; изъ нихъ стоявшій справа держалъ Государя подъ руку. Вечеромъ Царь ходилъ въ Успенскій соборъ, и здѣсь патріархъ совершалъ обрядъ прощанія по чину; послѣ молитвословій Государь подходилъ къ патріарху и, испрашивая прощеніе, прикладывался ко кресту. Изъ собора Государь шествовалъ прощаться къ патріарху въ сопровожденіи бояръ; патріархъ принималъ Царя въ Крестовой палатѣ. Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ встрѣчали Государя митрополиты архіепископы и епископы. Сказавъ „Достойно“ и „молитву приходную“ патріархъ снова благословлялъ Государя и бояръ, послѣ чего всѣ садились по лавкамъ. Въ сѣняхъ Крестовой палаты ставили заранѣе царскій питейный поставецъ сытнаго дворца, съ

разными фряжскими винами: романеею (настойка на сладкомъ, виноградномъ винѣ) ренскимъ, бастрою (канарское вино) и русскими: краснымъ и бѣлымъ медомъ. За поставцомъ сидѣли думскій дворянинъ съ дьякомъ, которые завѣдывали приказомъ большаго дворца, а у поставца находились степенный и путный клюшники, чарочники и дворцовые стряпчіе.

Посидѣвъ немного, Царь приказывалъ нести государево питье. Наливъ три кубка романеи, ренскаго и бастры, думный дворянинъ сдавалъ ихъ стольникамъ, которые чинно, одинъ за другимъ, съ кубками въ рукахъ, входили въ палату и подносили питія патріарху. Онъ отливалъ изъ каждаго для себя а, потомъ подносилъ къ Государю „всѣхъ питей по три кубка“. Государь откушивалъ, и стольники возвращали ихъ на поставецъ. Послѣ того, тѣмъ-же самымъ порядкомъ, подносили кубки и боярамъ. Во второй разъ, съ тою же церемоніею, подносили въ золотыхъ ковшахъ красный медъ: Государю по три ковша, а боярамъ по одному. Наконецъ подносили въ серебрянныхъ ковшахъ бѣлый медъ, а затѣмъ Государь жаловалъ, иногда изъ своихъ рукъ, чашами духовныхъ особъ. Когда

оканчивались эти „прощальныя чаши“, Государь съ патріархомъ оставались нѣкоторое время одни. Потомъ входили бояре, и патріархъ, вставъ съ мѣста, говорилъ опять „Достойно“ и „прощаніе“, т. е. прощальную молитву „Владыко многомилостивъ“ и благословлялъ Государя и его свиту.

Не менѣе трогательный обычай прощанія монашествующей братіи, съ настоятелемъ и другомъ въ прощеное воскресенье предъ Великимъ постомъ. Св. Церковь посвящаетъ этотъ день богослужебному воспоминанію объ изгнаніи нашихъ падшихъ прародителей изъ рая, и останавливаетъ наше вниманіе на томъ, какъ принялъ Адамъ изреченный ему правосудіемъ Божіемъ приговоръ за преступленіе, раскаявшись отъ всего сердца, почему требуетъ и Св. Церковь, что-бы примирились другъ съ другомъ.

Отъ патріарха Государь направлялся въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри, въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, гдѣ прощался у св. мощей и гробовъ родителей. Пришедши во дворецъ, въ одной изъ пріемныхъ палатъ, Царь прощался „съ людьми у крюка“ т. е. съ комнатными служителями. Въ этотъ-

же день Государь приказывалъ докладывать начальникамъ всѣхъ приказовъ о колодникахъ которые въ какихъ дѣлахъ сидятъ многія лѣта. По этимъ представленіямъ освобождались заключенные, которые были осуждены за небольшія преступленія.

Съ наступленіемъ первой недѣли Великаго поста, во вторникъ, послѣ обѣдни, во дворецъ съѣзжались стряпчіе изъ 35 монастырей, и подносили Государю и каждому чину Царской семьи, отъ каждаго монастыря по хлѣбу, по блюду капусты и по кружкѣ кваса, изготовленіемъ котораго при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ славился монастырь Антонія Сійскаго (Архангельской губ. Холмогорскаго уѣзда), куда Государь посылалъ для ученья варить квасъ своихъ хлѣбниковъ и пивоваровъ. Приказавъ принесть этотъ обычный даръ, Государь жаловалъ монастырскихъ стряпчихъ погребомъ, т. е. поилъ ихъ виномъ, пивомъ и медомъ. Тѣ-же монастыри подносили хлѣбы, капусту и квасъ патріарху, боярамъ и своимъ вкладчикамъ.

На первой-же недѣлѣ поста, въ среду или субботу, по окончаніи обѣдни, въ столовой избѣ, Государь самъ раздавалъ боярамъ и про-

чимъ чинамъ „укруги“, т. е. ломти калача, фряжское вино и разныя сласти: сушеные и вареные въ сахарѣ, меду и патокѣ фрукты. Къ патріарху съ укругою Царь посылалъ стольника, иногда-же боярина, а ко властямъ—дворовыхъ людей.

Въ пятницу на той-же недѣлѣ, патріархъ въ Успенскомъ соборѣ молитвословилъ надъ „коливомъ“—вареным пшеномъ, приправленнымъ медомъ и сладкими ягодами, которое раскладывалъ на серебряныя блюда и съ соборнымъ протопопомъ посылалъ Царю и всѣмъ особамъ Царскаго Дома.

Въ воскресенье, передъ второю недѣлею поста, церковь совершала „дѣйство Православія“, въ память возстановленія благочестія и почитанія святыхъ иконъ, причемъ возглашалась вѣчная память православнымъ и анаѳема еретикамъ.

II.

Празднованіе масляницы въ столицахъ — Москвѣ и Петербургѣ.

Гулянье на масляной въ Москвѣ изстари бывало на Москвѣ-рѣкѣ и на Неглинной, которая протекала около западной стѣны Кремля, гдѣ теперь Александровскіе или Кремлевскіе сады; обѣ эти мѣстности лежали, какъ и теперь, противъ хоромъ или дворцовъ Царскихъ, обращенныхъ къ нимъ своею лицевою стороною; на Москву рѣку выходилъ большой дворецъ, а на Неглинную рѣчку Потѣшный, какъ на той, такъ и на другой мѣстности строились катальныя горы для увеселенія народа до самаго конца XVIII столѣтія (1790 годовъ), а на Москвѣ рѣкѣ, кромѣ горъ, бывали конныя ристалища и бѣга рысистыхъ лошадей. Московскіе старожилы помнятъ, что на берегахъ Неглинной, противъ Потѣшнаго

дворца, занимаемаго Московскимъ Комендантомъ, не только на маслянице, но и въ праздники бывали довольно сильные кулачные бои, въ которыхъ принимали участіе московскіе купцы и даже чиновники.

Кромѣ этой мѣстности кулачные бои бывали на Бабьемъ городкѣ, гдѣ теперь водопроводная башня, на Пороховомъ дворѣ, около Краснаго пруда, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь зданіе Николаевскаго вокзала, у Москворѣцкаго и Доргомиловскаго (Бородинскаго) мостовъ, на Крутицахъ и на Красномъ Холму, на которомъ еще по воскреснымъ днямъ полиція въ 1860-хъ годахъ разгоняла бойцовъ.

Говоря о чисто русскихъ забавахъ на масляной нельзя не упомянуть объ удовольствіяхъ или развлеченіяхъ, которыя перешли къ намъ изъ-за моря, почему русскій народъ долго ихъ называлъ *заморскими*, напримѣръ: петрушки, комедіи съ паяцами, райки, каруселн и шарманки.

Начало этихъ увеселеній относится къ царствованію Алексѣя Михайловича, но главнымъ насадителемъ иноземныхъ забавъ на Руси былъ Петръ I. При немъ, во время масляницы, на-

чали строить балаганы и карусели на площадяхъ и цѣлые поѣзда маскированныхъ ѣздили по московскимъ улицамъ. Бояре и боярыни, считавшіе прежде за великій грѣхъ наряжаться (здѣсь достаточно вспомнить боярина Гвоздева, который при Іоаннѣ Грозномъ рѣшился лучше умереть, чѣмъ надѣть на себя маску), повинуясь волѣ Петра, усердно рядились и передѣвались по нѣсколько разъ въ день.

Горы и балаганы при Петрѣ I строились въ Москвѣ на площади, гдѣ теперь запасный дворецъ или дворъ и Красныя ворота, которыхъ тогда еще не было. Когда еще Петръ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, то онъ, всегда въ понедѣльникъ на масляницѣ, пріѣзжалъ на эту площадь, качался съ офицерами на качеляхъ и тѣмъ открывалъ гулянье.

Въ 1722 году послѣ нейштадтскаго мира, Петръ Великій далъ въ Москвѣ невиданный до того маскарадъ, начавшійся въ четвергъ сырной недѣли, когда выѣзжалъ большой поѣздъ изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество судовъ разнаго вида и разной величины, полсотни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По данному

ракетою сигналу сухопутный флотъ, напоминавшій собою времена Олега, на полозьяхъ и колесахъ потянулся длинною вереницею отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ. Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, запряженныхъ 6-ю лошадьми, шедшими гуськомъ одна за другою и украшенныхъ побрякушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ Князь-папа Зотовъ, облеченный въ черную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Бахусъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ саняхъ, везомыхъ 4-мя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флота, подъ предводительствомъ Нептуна, сидѣвшаго на колесницѣ съ трезубцемъ въ рукахъ, запряженной двумя сиренами. Въ процессіи находился и Князь-кесарь Ромодановскій въ царской мантіи и княжеской коронѣ. Онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, которую тащили два живыхъ медвѣдя. Наконецъ появилась громада—88 пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ мартѣ 1721 г. въ Петербургѣ. Онъ имѣлъ три мачты, и пол-

ное вооруженіе до послѣдняго блока включительно. На этомъ кораблѣ везенномъ шестнадцатью лошадьми, сидѣлъ самъ Петръ I, въ одеждѣ флотскаго капитана съ морскими генералами и офицерами и маневрировалъ имъ какъ-бы на морѣ. За этимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, бывшей въ костюмѣ фрисландской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по арабски. За гондолою появились настоящіе члены маскарада, извѣстные подъ именемъ „неугомонной обители“; они сидѣли въ широкихъ, длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе черезъ Тверскіе ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и прибыло къ вечеру. На слѣдующій день, а также на третій и 2-го февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ, построенныхъ тогда купечествомъ. Этотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней московскаго карнавала участвовавшія въ немъ осо-

бы перемѣняли по нѣсколько разъ свои костюмы.

Крайне интересное письмо современника-очевидца, резидента короля польскаго Лефорта, напечатанное въ III томѣ Импер. Историч. Общ., который подтверждаетъ всѣ описанныя нами подробности и кромѣ того говоритъ, „что всѣ собрались у князя Меньшикова во дворцѣ Лефорта, за 8 верстъ отъ города, гдѣ живетъ **княгиня** Имеретинская, родомъ изъ Грузіи. Весь поѣздъ провелъ тамъ ночь. На другой день былъ торжественный и великолѣпный въѣздъ въ Москву. Гуляли по различнымъ мѣстамъ города и, пройдя мимо Кремля въ центрѣ, увидали на пьедесталѣ помѣщенную маленькую 4-хъ весельную шлюпку. Это была модель первой шлюпки въ Россіи, сдѣланной въ царствованіи Ивана Васильевича. На слѣдующій день, послѣ 12-ти часовъ, мы были уже на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ составили гулянье въ два ряда, продолжавшееся до ночи. Это зрѣлище производило большой эффектъ, и я самъ неоднократно удивлялся, какъ эта *огромная машина*, какъ фрегатъ, маневрировала такъ проворно. 3-го числа мы собрались въ одномъ изъ домовъ Его Ве-

личества, но въ этотъ день мы не могли предпринять никакого гулянья, потому что шелъ сильный снѣгъ. Всѣ отправились къ князю Меньшикову, который давалъ балъ. Вечеромъ герцогъ Голштинскій угощалъ свиту Царя. 4-го гуляли по Нѣмецкой слободѣ, потомъ отправились въ село Преображенское, гдѣ Его Величество принялъ насъ, и мы отпраздновали именины Великой Княгины Анны. Въ этотъ день былъ фейерверкъ. 5-го мы все еще были въ Тверскомъ форштадѣ и гуляли, оттуда мы отправились на Царицынъ лугъ, гдѣ Царь насъ угощалъ, и гдѣ опять былъ фейерверкъ, чѣмъ и закончили праздникъ. Нельзя сказать, чтобы во время этого гулянья вино пили насильно и принужденно; напротивъ мы иногда порядкомъ мерзли. На другой день Ея Величество одѣлась иначе. Она явилась амазонкою со всѣмъ дворомъ и всадниками, одѣтыми матросами. Насчитывали до тысячи масокъ".

Послѣ кончины Петра Великаго прекратились маскарады до воцаренія Императрицы Елисаветы Петровны, которая любила наряжаться, такъ какъ къ ней очень шелъ мужской нарядъ, о чемъ свидѣтельствуетъ даже Императрица Екатерина II. Въ царствованіи

Елисаветы Петровны масляничныя катанья были въ любимомъ ею селѣ Покровскомъ, въ саду котораго въ зимнее время устраивались постоянныя катальныя горы и съ нихъ то катались не только придворныя дамы, но и сама Императрица, съѣзжавшая стоя на лыжахъ.

Императрица Екатерина II также любила народные забавы и, послѣ своей коронаціи справляла на масляницѣ въ Москвѣ трехдневный маскарадъ на городскихъ улицахъ, сочиненный актеромъ Волковымъ (который простудился во время этихъ праздниковъ и умеръ), подъ названіемъ „Торжествующая Минерва“. Сумароковъ сочинилъ пѣсни и хоры. Составились важныя и смѣшныя отдѣленія съ приличными символами: Такъ на высокой колесницѣ изображался Парнасъ, Аполлонъ, Музы. Тутъ возсѣдалъ Марсъ съ героями въ полныхъ доспѣхахъ. Здѣсь видѣли Палладу съ шлемомъ на челѣ и копьемъ; у ногъ ея сова съ математическими инструментами. Далѣе являлся Бахусъ съ Силеномъ, съ вакханками, подъ балдахиномъ и т. д. Всѣхъ колесницъ считалось до 250-ти, нѣкоторыя изъ нихъ были везомы 12-ю, а другія 24-мя вола-

ми; дѣйствующихъ лицъ находилось до 4-хъ тысячъ. Придворные актеры разъѣзжали верхами при отдѣленіяхъ для распоряженій. Повсюду гремѣла музыка роговая, духовая, струнная и пѣсни, хоры заключали нравоученія. Этотъ единственный въ своемъ родѣ маскарадъ собирался всякій день на полѣ предъ Аннинскимъ дворцомъ, двигался чрезъ всю Нѣмецкую слободу въ Новую Басманную, до Бѣлаго города и возвращался къ старой Басманной чрезъ мосты Ѣхаловъ, Салтыковъ, до Зимнихъ горъ, иллюминованныхъ разноцвѣтными фонарями.

Горы и балаганы при Екатеринѣ II устроивались на Москвѣ рѣкѣ противъ Воспитательнаго дома, между Москворѣцкимъ и Устьинскимъ мостами, гдѣ они продолжали существовать и въ царствованія Императоровъ Павла, Александра и Николая, а по обоимъ берегамъ бывали великолѣпныя катанья въ богатыхъ и роскошныхъ экипажахъ.

Катальныя горы строились съ затѣйливыми башенками, на которыхъ развѣвались разноцвѣтные флаги, а вдоль горъ, вмѣсто барьера, въ два ряда стояли елки, а между ними статуи изъ льда и снѣга.

Кромѣ названныхъ мѣстъ горы еще находились на Гагаринскихъ Трехгорныхъ прудахъ (дача Студенецъ, принадлежащая Общ. Садоводства). Самое же лучшее гулянье катанья происходило отъ Кремля чрезъ Маросейку и Покровку, по старой Басманной, на *Разгуляй*, находящійся на распутьѣ четырехъ дорогъ, гдѣ существовалъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ и искусительныхъ для гулякъ трактировъ съ плясунами, пѣсельниками, гуслитами и торбанистами; откуда прокатывались чрезъ Покровское село до самаго Покровскаго моста, иногда и далѣе. Это было самое модное и людное, хотя монотонное гулянье. Но самыя одушевленныя, ухарскія катанья происходили въ Ямскихъ слободкахъ: Тверской, Рогожской и Дорогомиловской, особенно въ субботу и въ Прощеное воскресенье, тамъ мчались въ обгонъ тройки съ глухарями, т. е. бубенчиками.

Первое мѣсто на масляницѣ занимали конечно блины (въ св. писаніи *млины*), которыхъ обычай позволялъ ѣсть до пересыта, упиваться до недвижности, или по пословицѣ: „ѣсть до икоты, пить до перхоты, пѣть до надсады, плясать до упаду“. Хозяева говари-

вали: „у насъ въ дому только вино да пиво, а воду кладите себѣ въ сани, годится для бани, да и вода отсюда не близко и ходить къ ней склизко, пируйте, сидите, да другихъ не тѣсните, кто хочетъ веселися, хоть съ лавки свалися“. Но рядомъ съ этимъ запрещалось употреблять въ пищу: рогатыхъ, крылатыхъ, рылатыхъ и носатыхъ животныхъ, исключая рыбъ-водоплавокъ, икры, нѣжнорозовой семги и блестящей алмазалiи вязиги.

На масляной и бѣдняки ничего не жалѣли: „въ Москвѣ недороду хлѣба не бываетъ“, говорилъ простолюдинъ: „Астрахань богата осетрами, Сибирь соболями, а Москва хлѣбомъ да калачами; губы да зубы—два запора, держи ихъ на маслянiцѣ настежь, выпьетъ вина, не убавитъ ума, только не проливай, коль мужикъ богатенькiй, такъ у него стаканъ пузатенькiй, и кто чокается, тотъ и чмокается“.

Масляницу на лубочныхъ картинкахъ изображали въ видѣ румяной, толстой бабы, сидящей на сковородѣ съ двумя ухватами и съ высунутымъ изъ рта помяломъ, вмѣсто языка, а внизу подпись: „у насъ печки муравлены,

подики мѣдные, помелечко шелковое, обмакивано въ сыту медвленную“.

Вотъ поэтическое описаніе масляницы въ старинныхъ курьезныхъ стихахъ, не лишенныхъ юмора, взятыхъ изъ „Сатирическаго Вѣстника“ 1790 года:

«Вотъ вамъ румяная и жирная богиня,
Обжорства и питья и дракъ всѣхъ героиня,
Шатаяся по градамъ, по селамъ, деревнямъ,
Всегда, вездѣ слѣды вреда являетъ намъ;
Но ею простаки, издавна заразившись,
Румянами ея и лоскомъ ослѣпившись,
Не могутъ и до днесь престать ее любить,
Нельзя роскошницу такую позабыть!
Ей смертныхъ посѣтить какъ время лишь наступитъ
Ребятамъ подъ бока вдругъ колика приступитъ,
Не могутъ посидѣть спокойно ни на часъ,
Всѣмъ хочется съ горы хоть прокатиться разъ.
И вспомнивши ея въ году прошедшемъ ласки
Летятъ на встрѣчу къ ней, усѣвшись на салазки и т. д.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ на масляницѣ такая сдѣлалась оттепель, что вода выступила поверхъ льда и грозила разрушить балаганы. Комендіанты и содержатель звѣринца принуждены были перебраться на остальное время масляницы въ лежащіе противъ этой

мѣстности лабазы и тамъ продолжали показывать честному люду свои фокусъ-нокусы.

Съ этого времени, во избѣжаніе могущаго случиться несчастія, запрещено было строить балаганы на Москвѣ-рѣкѣ и ихъ перевели подъ Новинское, гдѣ они строятся и по нынѣ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ все Новинское, начиная отъ самаго Кудрина и кончая Смоленскимъ рынкомъ, почти сплошь было покрыто балаганами и палатками, которые заканчивались въ концѣ рынка большимъ шатромъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ „Колокола“, гдѣ блаженной памяти откупщики, устанавливали свои винныя бочки и продавали русскій пѣнникъ.

Гулянье подъ Новинскимъ, какъ и теперь, начиналось отъ Кудринской площади. Въ началѣ гулянья красовалась деревянная *изящная кофейная*, которую содержалъ извѣстный въ то время трактирщикъ С. И. Печкинъ. Кофейная эта во время всего гулянья постоянно была набита самымъ отборнымъ обществомъ и отъявленными франтами-кутилами; музыка, цыгане оглашали воздухъ, а удалая молодежь бросала деньги какъ щепки и шампанское лилось рѣкой.

Позади кофейной построены были горы, а за ними балаганы и палатки, гдѣ можно было найти, за дешевую цѣну, чай, водку, вино и приличную закуску; затѣмъ ближе къ Смоленскому рынку шли качели, расписанныя разными цвѣтами и травами, коньки и петрушки. Колоколъ заканчивалъ гулянье.

Выраженіе „пойдемъ подъ колоколъ“ значило — „пойдемъ выпьемъ“. Катанья въ экипажахъ подъ Новинскимъ до того были многочислены, что иногда тянулись въ два ряда непрерывною цѣпью вплоть до Зубовскаго бульвара и объѣзжали кругомъ всего Новинскаго вала. За коляску или карету платили извощикамъ 50, 30 рублей, да и за эти деньги нельзя было найти экипажа—все разбиралось на расхватъ.

Петръ Великій и въ основанномъ имъ Петербургѣ потѣшался на маслянницѣ маскарадным зрѣлищемъ. Маски собравшись, по пушечному выстрѣлу, на площади противъ собора Св. Троицы (что на Петербургской сторонѣ), у такъ называвшейся *пирамиды четырехъ фрегатовъ*, по сигналу, данному са-

мимъ Государемъ, который былъ одѣтъ барабанщикомъ, снимали плащи и показывались въ своихъ костюмахъ. Тутъ посреди испанцевъ, грековъ, турокъ, китайцевъ и индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе на телѣжкахъ высокихъ царскихъ гайдуковъ, спеленутыхъ, какъ дѣти. Потомъ слѣдовали веселыя, одушевленныя катанья, гдѣ, между множествомъ огромныхъ саней, сдѣланныхъ на подобіе лодокъ, въ которыхъ сидѣли замаскированные члены Царской фамиліи, иностранные министры и знатнѣйшія особы обоего пола, видны были Нептунъ въ раковинѣ съ трезубцемъ, влекомый двумя сиренами; Бахусъ съ кубкомъ въ одной и съ лавровымъ вѣнкомъ въ другой рукѣ; царскій шутъ одѣтый медвѣдемъ, въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣжатами. Камчадалъ съ камчадалкою, ѣхавшіе въ нартѣ на собакахъ, и въ заключеніе масса арлекиновъ и масокъ, представлявшихъ разныхъ звѣрей и птицъ. Эти маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Участвовавшіе въ нихъ, еще за нѣсколько дней, собирались во дворецъ князя Меньшикова (теперь зданіе 1-аго корпуса на Васильевскомъ островѣ), для репетицій, и онъ каждому

лицу указывалъ его мѣсто въ процессіи. Всѣ принадлежащіе къ ней маски должны были ходить во все это время въ своихъ костюмахъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 рублей.

Съ самаго основанія Петербурга, горы и балаганы для масляницы строились на Невѣ, между крѣпостью и Зимнимъ Дворцомъ. Здѣсь же Бирономъ, въ послѣдніе дни своего могущества на масляницѣ далъ петербуржцамъ невиданное зрѣлище. Ему вздумалось, для развлеченія Императрицы Анны Іоановны выстроить ледяной домъ; начались спѣшныя работы, которыя, благодаря стоявшимъ жестокимъ морозамъ, доходившимъ до 40^0, подвигались быстро и ледяной домъ вскорѣ былъ готовъ.

Въ этомъ ледяномъ домѣ назначено было дать народный маскарадъ, для котораго, по распоряженію Бирона, было выслано въ С.-Петербугъ изъ всѣхъ губерній по два человѣка разныхъ племенъ, населяющихъ Россію.

Всѣ эти затѣи дѣлались для свадьбы шута Императрицы князя Голицына, извѣстнаго, въ своемъ шутовскомъ чинѣ, подъ названіемъ квасника, человѣка образованнаго, путешествовавшаго за границей, и впавшаго въ

немилость лишь потому, что, въ бытность въ Италіи, онъ принялъ католическую вѣру для того, чтобы жениться на прелестной итальянкѣ. Эта жена кн. Голицына въ 1736 году была розыскана въ Москвѣ и отослана въ Петербургъ, но какая постигла ея участь неизвѣстно.

По приказу кабинетъ-министра Волынскаго придворный піитъ Тредьяковскій, написалъ приличныя случаю стихи, которыя начинались такъ:

«Здравствуйте женились, дуракъ и дура
Еще . . . тота и фигура.
Теперь-то прямое время вамъ повеселиться
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься!».

Описаніе ледянаго дома съ гравюрами было сдѣлано академикомъ Крафтомъ, а самый пресловутый „ледяной домъ“, послужилъ темою для извѣстнаго романа Лажечникова, изъ котораго приводимъ художественное описаніе этого оригинальнаго праздника: „Въ назначенный день къ крыльцу между ледянымъ домомъ и дворцомъ подъѣхала золотая десятистекольная карета, запряженная восьмью неаполитанскими лошадьми, украшенными золотой сбруей и страусовыми перьями на го-

ловахъ. Въ ней сидѣла Государыня Анна Іоановна съ придворной дамой. Когда поѣздъ тронулся, 12-ть пѣшихъ гайдуковъ сопровождали лошадей по шести со стороны. Кучера, сидѣвшіе на козлахъ, одѣты были въ ливрейныя шубы, украшенныя золотыми галунами, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ. Блестящіе пажи, во французскихъ кафтанахъ и блондахъ, окружали карету Государыни. Два араба въ золотыхъ шубахъ и въ бѣлыхъ чалмахъ. Двѣнадцать сержантовъ верхами въ гренадерскихъ мундирахъ и въ шляпахъ съ плюмажемъ охраняли карету. Позади этой кареты слѣдовало нѣсколько другихъ съ Великими княжнами. За ними, въ каретѣ же, слѣдовалъ Бирономъ, окруженный гусарами, скороходами, егерями и пажами. Рядомъ съ нимъ—его жена, съ головы до ногъ залитая въ брилліанты, которые оцѣнивали въ два милліона. Въ хвостѣ придворнаго кортежа ѣхали не придворные. Рота гвардейцевъ открывала шествіе; трехугольныя шляпы солдатъ украшены были еловыми и дубовыми вѣтвями, у офицеровъ — лаврами. Вотъ выступаетъ громадный слонъ въ теплыхъ котахъ. Вожакъ съ молоткомъ сидитъ на хребтѣ. На спинѣ была помѣщена

желѣзная клѣтка, въ которой сидѣли шутъ Кульковскій съ Подачкиной; оба, сидя одинъ противъ другого, блистали бархатомъ и золотомъ. Они ѣхали изъ церкви на обѣдъ, сопровождаемые оригинальною свитою. За экипажемъ новобрачныхъ ѣхали на оленяхъ остяки; за ними новгородцы на парѣ козловъ, малороссы на волахъ; чухонцы на ослахъ, татары на жирныхъ свиньяхъ, камчадалы на собакахъ, за ними бѣлоруссы, зыряне и т. д. Всѣхъ до 150 костюмовъ разныхъ племенъ.

По волѣ Государыни, поѣздъ сдѣлалъ два оборота по Луговой улицѣ (теперь Милліонная) и потянулся къ манежу Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для молодыхъ и гостей на 300 кувертовъ. Гостей встрѣтили музыкою и посадили всѣхъ за столъ, причемъ каждому представителю націи было подано его національное блюдо. Императрица съ блестящею свитою расположилась на возвышеніи. Когда всѣ усѣлись, Тредьяковскій громко прочелъ свои стихи.

Послѣ обѣда начались пляски, столь-же разнообразныя, какъ разнообразенъ былъ составъ гостей... Затѣмъ молодая чета была отправлена въ ледяной домъ, гдѣ провела все время до утра. У дверей стоялъ караулъ,

чтобы молодые не ушли ранѣе изъ своей холодной опочивальни".

По свидѣтельству Штелина, Анна Іоанновна собирала также у себя на маслянницѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ женами, которыя тѣшились русскими плясками и разными другими народными забавами.

Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа гуляющей и катающейся публики, балаганы въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, были переведены на Брумбергскую площадь, гдѣ въ 1783 г. построенъ большой театръ, подаренный теперь Его Императорскимъ Величествомъ въ бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III С.-Петербургской Консерваторіи, на немъ въ послѣдній день масляницы, 27 февраля 1810 г., былъ данъ первый утренній спектакль, послѣ чего они и вошли въ моду.

Съ открытіемъ Большаго театра, балаганы перенесли съ Брумбергской площади, получившей свое названіе по имени иностранца Брумберга, имѣвшаго вблизи (на мѣстѣ тюремнаго замка) пильныя мельницы, т. е. лѣсопильный заводъ, на Адмиралтейскую площадь. Покойный академикъ Я. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Державина: „На

рожденіе Царицы Гремиславы“ (написанному для Льва Алекс. Нарышкина, оберъ-Шталмейстера Екатерины II) говоритъ, что качели всегда строились передъ домомъ Нарышкина (теперь домъ Мятлева, противъ Исаакіевскаго собора), чрезвычайно любившаго смотрѣть изъ своихъ оконъ, какъ веселится народъ; когда-же хотѣли поставить балаганы на другое мѣсто, то Нарышкинъ огорчался и просилъ отмѣнить распоряженіе. Императрица Екатерина, хотя называла въ своихъ запискахъ Нарышкина „прирожденнымъ арлекиномъ“ и „безхарактернымъ“, но она высоко цѣнила его „комическій талантъ“ и онъ всегда пользовался ея благосклонностью.

Катанье съ горъ любила Екатерина II и въ Петербургѣ славились „Охтенскія горы“, куда Государыня ѣздила въ сопровожденіи Двора; этого обычая держались даже Императоръ Павелъ Петровичъ съ Маріею Ѳеодоровною, что видно изъ „поденныхъ придворныхъ записокъ“. По приказанію Екатерины II, въ Царскомъ Селѣ и Ораніенбаумѣ были построены даже горы на лѣто, съ которыхъ катались въ особыхъ колясочкахъ. Въ Ораніенбаумѣ до сихъ поръ существуетъ мѣсто, гдѣ

находились эти горы называется „катальная горка“, хотя самой горы давнымъ-давно уже не существуетъ, а въ селѣ „Грузинѣ“ принадлежавшемъ графу Аракчееву, почему-то долго хранится одна изъ колясочекъ „катальныхъ горъ“, Разъ такое катанье съ горы, въ Царскомъ Селѣ, едва не явилось причиною смерти Императрицы Екатерины II. Когда она катилась съ высокой деревянной горы, то мѣдное колесо выскочило изъ желоба или колеи, стоявшій сзади колясочки, на запяткахъ, силачъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ на всемъ раскатѣ спустилъ ногу на ту сторону, куда накренилась уже колясочка, а рукою схватился за барьеръ горы, и такимъ образомъ, на бѣгу, удержалъ повозку и тѣмъ спасъ жизнь Государыни. Этотъ подвигъ гр. А. Г. Орлова воспѣтъ Державинымъ въ стихотвореніи „Аѳинейскому витязю“, какъ поэтъ назвалъ графа Орлова за его красоту, атлетическую силу и ловкость:

. . . . . «какъ въ громѣ
Онъ колесницы съ горъ бедрой
Своей препнувъ склоненье,
Минерву удержалъ въ паденьѣ».

Кромѣ катанья съ горъ, Императрица Ека-

терина II еще въ молодости установила особое катанье на масляницѣ въ Чесменскій дворецъ, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, гдѣ теперь помѣщается Чесменскій инвалидный домъ, устроенный въ этомъ дворцѣ Императоромъ Николаемъ I. Это катанье было чрезвычайно своеобразно: къ большимъ санямъ, запряженнымъ двѣнадцатью одномастными лошадьми, привязывались на двойныхъ канатахъ по нѣскольку паръ маленькихъ саночекъ, на которыхъ могъ помѣститься только кавалеръ съ дамою, доставшеюся по жребію; при поворотахъ санки опрокидывались, и смѣху было тутъ не мало.

Любопытенъ разсказъ въ дневникѣ А. В. Храповицкаго (запись 25-го октября 1792 г.), бывшаго статсъ-секретаремъ Екатерины II, о томъ, какъ Государыня, разговаривая съ нимъ о дачѣ Убри, гдѣ онъ жилъ, сказала „что въ этомъ домѣ она была, въ 1766 году, на масляной у Петра Богдановича Пассека, помнитъ столовую въ пять оконъ и какъ сейчасъ видитъ, какъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ проѣхалъ въ маскарадномъ платьѣ, причемъ кучеръ его былъ одѣтъ арлекиномъ“. Каковъ былъ костюмъ графа и видъ его эки-

пажа, можно судить по тому, что гр. А. С. Строгоновъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ вельможъ Екатериненскаго Двора и большой знатокъ и любитель художествъ, за что, впослѣдствіи и былъ сдѣланъ президентомъ Императорской Академіи Художествъ.

Императрица Екатерина II очень любила гр. Строгонова, называла его Мадотъ и въ одной изъ своихъ комедій вывела его подъ именемъ „Самъ-Блинъ“. Вообще, масляница въ Петербургѣ въ прошломъ столѣтіи была дѣйствительнымъ карнаваломъ. Въ запискахъ Порошина, воспитателя Павла Петровича, находится слѣдующее описаніе масляной 1765 года.

Въ первый день въ придворномъ театрѣ данъ былъ спектакль, который Порошинъ называетъ „Дворянскою комедіею“, такъ какъ въ пьесѣ „Мнимый больной“ всѣ роли исполняли вельможи, причемъ онъ ихъ перечисляетъ поименно. На второй день давали для публики французскую комедію; на третій—состоялся маскарадъ у графа П. Б. Шереметьева, на которомъ присутствовала и Императрица. На четвертый день „Дворянская комедія“ была повторена, а на пятый—были ра-

524 5/13

зосланы отъ Двора повѣстки, приглашавшія пріѣзжать на спектакль въ маскарадномъ платьѣ и оттуда ѣхать, кто хочетъ, въ маскарадъ къ Локателли, въ старый деревянный дворецъ (на мѣстѣ его стоитъ теперь Михайловскій инженерный замокъ, бывшій дворецъ Павла I, который и родился въ упомянутомъ деревянномъ дворцѣ).

Этому маскараду назначено было прдолжаться съ вечера пятницы до утра Прощеного воскресенья, т. е. цѣлыхъ полтора дня. Императрица Екатерина II пріѣхала въ маскарадъ въ мужскомъ домино кофейнаго цвѣта и ходила подъ руку съ Гр. Гр. Орловымъ и фрейлиною Анною Вас. Паниной. Государыня два раза кланялась Порошину и, наконецъ, подозвавъ его къ себѣ, болѣе получаса съ нимъ шутила, не показывая вида, кто она.

На этомъ маскарадѣ присутствовалъ пріѣхавшій въ тотъ годъ авантюристъ Казанова, который въ своихъ запискахъ говоритъ: „я взялъ билетъ у хозяина моей квартиры и побѣжалъ на балъ-маскарадъ, на который было приглашено 6 тысячъ человѣкъ. Общество собралось уже все, и танцы были въ

самомъ разгарѣ, въ нѣкоторыхъ покояхъ помѣщались буфеты внушительной наружности, ломившіяся подъ тяжестью съѣдобныхъ вещей, которыхъ достало-бы для насыщенія самыхъ дюжихъ аппетитовъ. Вся обстановка бала представляла зрѣлище причудливой роскоши въ убранствѣ комнатъ и нарядахъ гостей; общій видъ былъ вѣликолѣпный. Любуясь имъ, я вдругъ услышалъ случайно чьи-то слова: „посмотрите, вотъ Императрица; она думаетъ, что ее никто не узнаетъ; но погодите, ее скоро всѣ различатъ по ея неотступному спутнику Орлову".

Надо замѣтить, что Императрица Екатерина II любила, замаскировавшись, явиться инкогнито. Такъ, въ своихъ запискахъ Энгельгардтъ сообщаетъ, что, въ сопровожденіи А. Д. Ланскаго, статсъ-дамы графини Браницкой и камеръ-фрейлины Протасовой, Екатерина посѣщала даже частные маскарады, куда пріѣзжала въ чужой каретѣ и всячески старалась скрыть себя, но полиція всегда узнавала Императрицу и ея свиту. Многіе не догадывались, или нарочно шутили и прыгали передъ нею, что ей очень нравилось, но зато приходилось подъ-часъ выносить и давку.

Однажды, — говоритъ П. Сумароковъ, составитель „Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины Великія“, — Императрица сѣла подлѣ знакомой г-жи Д—ской, которую очень жаловала и допускала къ себѣ въ кабинетъ; Государыня, перемѣнивъ голосъ, вступила съ ней въ разговоръ и долго ее интриговала. Потерявъ терпѣніе г-жа Д—ская отдернула маску и сильно смутилась своимъ открытіемъ. Императрица тоже не менѣе была удивлена дерзкимъ поступкомъ.—Что вы сдѣлали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! — проговорила Екатерина; затѣмъ встала и тотчасъ же уѣхала изъ маскарада, а смѣлая дама навсегда потеряла благоволеніе Государыни.

Впослѣдствіи на придворные маскарады въ Зимній Дворецъ раздавалось жителямъ Петербурга до 20000 билетовъ. Въ придворныхъ маскарадахъ масляной 1830 года данныхъ для Императора Николая Павловича Великою Княгинею Еленою Павловною принимали, по просьбѣ Ея Иператорскаго Высочества участіе А. С. Пушкинъ и И. А. Крыловъ; послѣдній явился наряженнымъ Таліею и произнесъ Государю и Императрицѣ слѣдующіе стихи:

«Про дѣвушку идетъ худая слава,
Что, будто, я весьма дурнаго нрава,
И, будто, вся моя забава
Расцѣнивать людей и на смѣхъ поднимать.
Коль правду говорить, молва такая права:
Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать.
Все лучше таки ихъ немножко унимать!
Однако-жь, здѣсь, я сколько ни глядѣла,
Придраться не къ чему, а это жаль;—безъ дѣла
Я, право, ужь боюсь, чтобы не потолстѣла.
Какое-жъ диво въ томъ?
Для добрыхъ только вашъ гостепріимный домъ
И вы однимъ своимъ небеснымъ взоромъ,
Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
Такъ вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ.
А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ,
Къ чему-жъ мнѣ по пусту на ссору накупаться
И злые испускать стихи?
Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться,
А то придется вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться
Брюзжала я, теперь хочу полюбоваться,
Что есть завидная семья,
Великая и славою и властью,
И въ ней пріютъ семейственному счастью...
Такъ, на нее любуясь, я
Живущимъ въ хижинѣ сказала-бъ справедливо:
Живите, какъ живутъ въ семьѣ прекрасной сей,
И даже въ хижинѣ своей
Вы рай увидите и будете счастливы.

Въ этомъ же маскарадѣ А. С. Пушкинъ

представлялъ Циклопа и произнесъ такое шестистишіе.

«Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ:
Единый глазъ въ главѣ моей
Когда-бъ судьбы того хотѣли,
Когда-бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ-бы сто на васъ глядѣли».

Въ придворномъ маскарадѣ, данномъ на масляной 1836 года, И. А. Крыловъ представлялъ кравчаго, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, съ подвязною серебристою бородою, одѣтый и загримированный извѣстнымъ того времени трагикомъ В. А. Каратыгинымъ; онъ прочелъ Августѣйшимъ Хозяевамъ послѣднюю свою басню „Вельможа“, написанную имъ въ 1835 г., за которую Ихъ Величества изъявили ему свое удовольствіе.

Для народныхъ гуляній строились балаганы, карусели, перекидныя качели и горы, а вокругъ всего гулянья, по примѣру Москвы, было „экипажное катанье“ богатой публики. Тутъ купцы показывали другъ другу своихъ чистокровныхъ рысаковъ, свои дорогія шубы, женъ и дочерей. Теперь это выводится изъ моды, и только катанье институ-

токъ въ придворныхъ каретахъ напоминаетъ о прежнемъ великолѣпіи „экипажнаго катанья“

Съ празднованіемъ масляницы соединены кулачные бои, которые бывали и въ Петербургѣ, на Невѣ, еще въ 1840-хъ годахъ, между охтянами — съ одного берега, и нижними чинами — съ другаго. Начинался бой мальчиками и кантонистами аракчеевскихъ казармъ, а къ нимъ потомъ присоединялись и взрослые. Есть преданіе о томъ, что силачъ гр. А. Г. Орловъ хаживалъ въ кулачный бой. Въ народѣ долго и упорно держался разсказъ о томъ, что выпущенные при Екатеринѣ II мѣдные рубли (діаметромъ въ $1^1/_4$ вершка, и толщиною $^1/_2$ вершка) были изъяты изъ употребленія, такъ какъ ими на кулачныхъ бояхъ было много убито людей. Въ прощеное воскресенье 1837 г. сгорѣлъ, на Адмиралтейской площади, балаганъ Лемана, и въ немъ много народа задохлось отъ дыма; послѣ пожара 1872 г., балаганы перевели на Марсово поле, или Царицынъ лугъ, а на Адмиралтейской площади разбили Александровскій садъ, украшающій теперь столицу. Мѣсто же на Царицыномъ лугу, отведенное для балагановъ еще

Петромъ Великимъ было избрано для отправленія различныхъ праздниковъ, въ стоявшемъ тамъ почтовомъ домѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ являлся единственною въ то время гостинницею для пріѣзжающихъ въ Петербургъ. Близь этого двора находился звѣринецъ, гдѣ помѣщался слонъ и происходила травля медвѣдей, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей.

Горѣли балаганы и перемѣщались съ одного мѣста на другое, но всегда и вездѣ публика и преимущественно простой народъ съ большимъ наслажденіемъ шелъ къ нимъ поглазѣть на старинныя и многовѣчныя проказы арлекина или по просту паяца.

Да, любопытна и не безъинтересна роль этого древнѣйшаго потѣшника многихъ поколѣній и народовъ. Типъ этого балаганнаго полишинеля (pulchinella) происходитъ отъ Маккуса, который никогда не участвовалъ въ комедіи, а ограничивался особеннымъ родомъ существовавшихъ въ древности драматическихъ представленій, называвшихся „ателланами“. Въ 1727 г., въ Римѣ найденная бронзовая статуя подтверждаетъ существованіе Маккуса и полишинеля. Маккусъ отличался двумя огром-

ными горбами, носомъ, выгнутымъ на подобіе клюва хищной птицы и полосатою обувью. На лицѣ Маккуса, насмѣшка и злость; два серебряные шарика по угламъ рта увеличиваютъ ее и придаютъ всей физіономіи какое-то пошлое выраженіе, чего не замѣтно въ полишинелѣ.

А мы, съ своей стороны, отодвигаемъ даже древность самаго Маккуса, и приписываемъ происхожденіе его отъ миѳа Момуса, древняго бога шутки и насмѣшки, сына сна и нѣги. Момусъ изображался снимающимъ маску съ какого-то лица и съ щелкушкою въ рукѣ. Наскучивъ его насмѣшками боги согнали его съ Олимпа. И вотъ онъ, бѣдняга, прогнанный оттуда, подобно парнасскому ослу, пріютился въ видѣ арлекина, съ лицемъ, закрытымъ похищенною маскою и съ щелкушкою, въ балаганахъ.

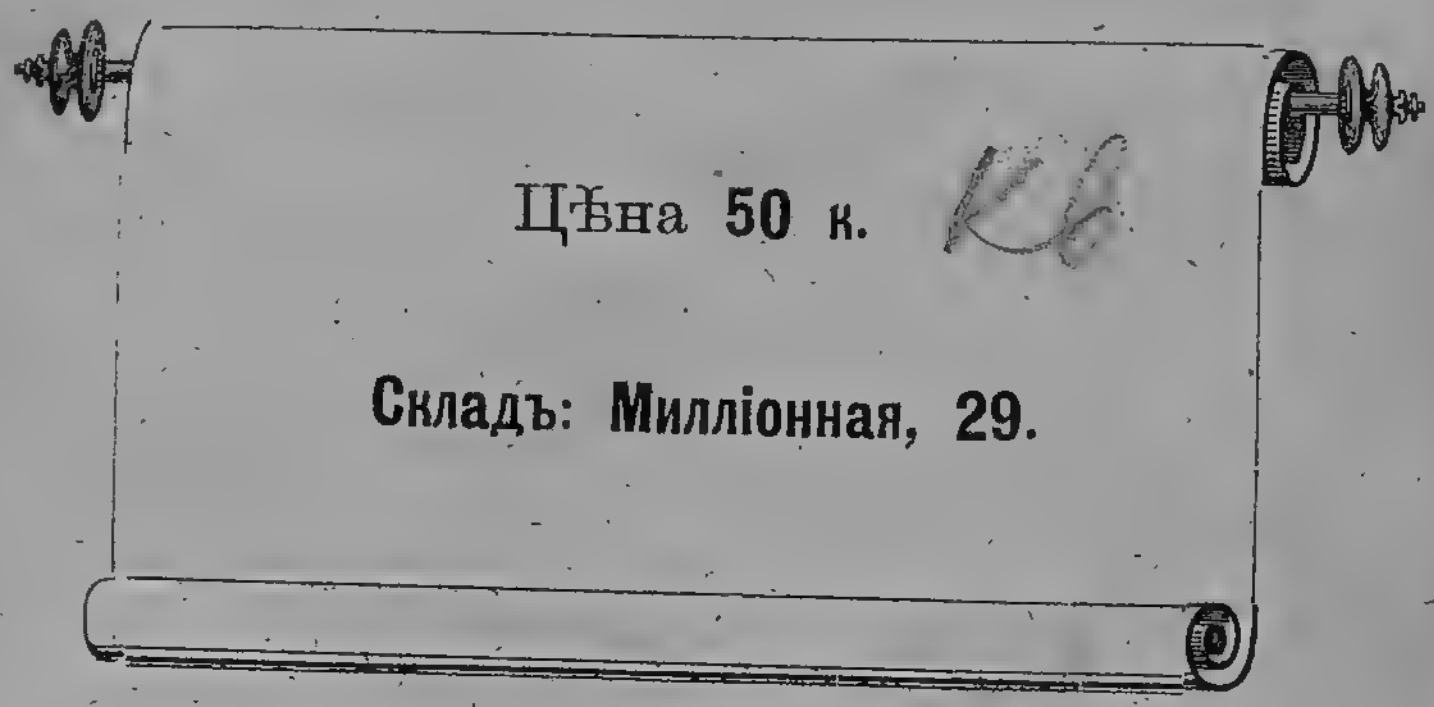
По изысканіямъ-же ученыхъ гг. Менажа и Раккобони типъ арлекина существовалъ также у Римлянъ. Актеровъ, исполнявшихъ эту роль, называли *планипедами*. Названіе это получили они потому, что являлись на сцену съ босыми ногами. Арлекинъ и теперь носитъ самую легкую обувь; голова его, подобно пла

нипедамъ, выбрита, а костюмъ не иное что, какъ самое пестрое собраніе всевозможныхъ лоскутьевъ. Арлекинъ родомъ Ломбардецъ изъ города Бергамо. До XVII вѣка это былъ бѣдный слуга бѣднаго господина, принужденный для своей одежды, выпрашивать у сосѣдей лохмотья. Доминикъ, который наслѣдовалъ въ этой роли Травелину, передалъ ее совершенно. Съ его времени арлекинъ становится умникомъ, плутомъ, хитрецомъ и острякомъ, и такимъ остается онъ и по нынѣ. Преобразованіе это имѣло не выгодныя послѣдствія; оно породило недостатокъ въ составѣ дѣйствующихъ лицъ, такъ сказать, пробѣлъ въ характерахъ, уничтоживъ личность простяка. Тогда-то, во Франціи, нѣкто Сюретонъ рѣшился преобразовать костюмъ неаполитанскаго полишинеля въ костюмѣ Пьеро и въ этой новой оболочкѣ, воскресить арлеликина-простяка — лицо необходимое въ каждомъ фарсѣ или арлекинадѣ, которыя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще живутъ въ нашихъ балаганахъ за неимѣніемъ чисто народныхъ піесъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
" 193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Рождество	5
Новолѣтія	41
Новогоднія изданія или альманахи	52
Крещеніе.	56
Масляница	67
Празднованіе масляницы въ столицахъ Москвѣ и Петербургѣ.	91



Цѣна 50 к.

Складъ: Милліонная, 29.